

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК:
НАВСТРЕЧУ СТОЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ

УДК 343; 34.08

ПУТЬ К ПРИЗНАНИЮ
(Очерк о жизни и научном наследии
члена-корреспондента АН СССР А.Н. Трайнина)

© 2024 г. А. Н. Савенков

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: an61s@yandex.ru

Поступила в редакцию 05.03.2024 г.

Аннотация. Статья посвящена научному наследию члена-корреспондента Академии наук СССР, доктора юридических наук, профессора, государственного и общественного деятеля Арона Наумовича Трайнина. А.Н. Трайнин известен прежде всего как правовой идеолог антифашизма, один из первых разработчиков проблем международного уголовного права, который принимал участие в Нюрнбергском процессе в качестве консультанта. Его авторству принадлежат свыше 300 работ. Активно занимался разработкой проблем теории уголовного права – состава преступления, соучастия, уголовной ответственности, международного уголовного права.

Ключевые слова: А.Н. Трайнин, член-корреспондент АН СССР, уголовное право, антифашизм, теоретическое наследие, уголовный закон, состав преступления, соучастие в преступлении, международное уголовное право, Нюрнбергский процесс, защита мира.

Цитирование: Савенков А.Н. Путь к признанию (Очерк о жизни и научном наследии члена-корреспондента АН СССР А.Н. Трайнина) // Государство и право. 2024. № 4. С. 7–38.

DOI: 10.31857/S1026945224040011

THE PATH TO RECOGNITION (An essay on the life and scientific heritage of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences A.N. Trainin)

© 2024 A. N. Savenkov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: an6ls@yandex.ru

Received 05.03.2024

Abstract. The article is devoted to the scientific heritage of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor, statesman and public figure Aron Naumovich Trainin. A.N. Trainin is known primarily as a legal ideologue of anti-fascism, one of the first developers of problems of International Criminal Law; who participated in the Nuremberg trials as a consultant. He is the author of over 300 works. He was actively engaged in the development of problems of the theory of Criminal Law – corpus delicti, complicity, criminal responsibility, International Criminal Law.

Key words: A.N. Trainin, Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences, Criminal Law, antifascism, theoretical heritage, criminal law, corpus delicti, complicity in crime, International Criminal Law, Nuremberg trials, protection of peace.

For citation: Savenkov, A.N. (2024). The path to recognition (An essay on the life and scientific heritage of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences A.N. Trainin) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 7–38.

I

Арон Наумович Трайнин (Мовша-Арон Нахимович Трайнин; (1883–1957) — доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР (1946), заслуженный деятель науки РСФСР (1946). Как ученый и общественный деятель широко известен не только в России, но и за рубежом. Мировую славу снискал в первую очередь как правовой идеолог антифашизма,

одним из первых стал разрабатывать проблемы международного уголовного права. В 1945 г. представлял Советский Союз на Лондонской четырехсторонней конференции, принимал участие в Нюрнбергском процессе в качестве консультанта¹.

¹ Лондонская четырехсторонняя конференция — совещание представителей четырех держав-победительниц во Второй мировой войне, проходившее с 26 июня по 8 августа 1945 г. в ходе подготовки Нюрнбергского процесса. СССР представляли заместитель Председателя Верховного Суда СССР И.Т. Никитченко и А.Н. Трайнин. 8 августа 1945 г. было подписано Соглашение между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции о судебном преследовании и наказании главных

Его деятельность советника Международного военного трибунала получила заслуженную оценку: Трибунал объявил благодарность члену-корр. АН СССР А.Н. Трайнину за его плодотворную и многогранную помощь в осуществлении правосудия над главными нацистскими военными преступниками.

Американский ученый-юрист Бет Ван Шаак² отмечает, что А.Н. Трайнину было присуще «стремление к созданию международного суда после войны в его научных трудах и задолго до того, как союзники поддержали эту идею, он выдвинул концепцию преступлений против мира (или “преступления агрессии”...), и выступал за создание постоянного международного уголовного суда

военных преступников европейских стран оси, учрежден Международный военный трибунал (см. подр.: Савенков А.Н. Нюрнберг: Приговор во имя Мира. М., 2021).

«Большую и плодотворную работу провел А.Н. Трайнин на Лондонском совещании. Успех совещания, выразившийся в подписании Соглашения о судебном преследовании и наказании главных военных преступников и в принятии Устава Международного военного трибунала — это успех благородной цели возмездия, которое должно было постигнуть нацистскую клику. И в достижение этого успеха внес свой вклад советский ученый Арон Наумович Трайнин» (см.: Арон Наумович Трайнин // Трайнин А.Н. Избр. произв.: Защита мира и уголовный закон / под общ. ред. Р.А. Руденко. М., 1969. С. 11).

² Бет Ван Шаак — доктор права и доктор философии, посол США по особым поручениям в области глобального уголовного правосудия.

для будущих военных преступников. Трайнин был вдохновлен искренней верой в то, что международное право может быть силой мира... Хотя Советы не участвовали в работе Комиссии ООН по военным преступлениям, которая разрабатывала послевоенную программу для правосудия, многие идеи Трайнина были представлены через чешского посланника Богуслава Эчера³, который был знаком с научными работами Трайнина. В результате многие идеи Трайнина... были подхвачены ключевыми архитекторами правосудия среди союзников — часто без указания авторства»⁴.

А.Н. Трайнин — автор около 300 работ, основные из них переведены на иностранные языки. «Задача каждого настоящего ученого — дать новые идеи и выдвинуть на основании этих идей новые научные концепции. Однако далеко не всем деятелям науки суждено увидеть реализацию своих идей на практике, убедиться, как на деле “работают” их научные концепции. Арон Наумович познал при жизни высшую радость научного поиска — плодотворность»⁵.

А.Н. Трайнин активно занимался подготовкой научных кадров. Под руководством ученого защищены кандидатские и докторские диссертации, его ученики также достигли немалых успехов в науке.

Научную и педагогическую деятельность он сочетал с общественной работой, входил в редакционные коллегии журналов «Советское государство и право» и «Социалистическая законность», постоянно выступал с публичными лекциями. Как представитель советской юридической общественности, участвовал в работе международных конгрессов юристов-демократов, дважды избирался вице-президентом Международной ассоциации юристов-демократов.

А.Н. Трайнин награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени.

II

Ученый родился 8 июля (26 июня) 1883 г. в г. Витебске в еврейской семье, занимавшейся торговлей. В 1903 г. окончил с золотой медалью Калужскую губернскую классическую гимназию. В тот же год поступил на юридический факультет Императорского Московского университета.

³ Богуслав Эчер — чехословацкий генерал судебной службы, профессор; был поверенным на допросе Риббентропа, Геринга, Кейтеля, Далуге и Ламмерса (см. подр.: *Савенков А.Н.* Нюрнбергский процесс и развитие международной уголовной юстиции. М., 2022).

⁴ Цит. по: ru.wikipedia.org

⁵ Арон Наумович Трайнин // Трайнин А.Н. Указ. соч. С. 5.

Годы учебы Трайнина в университете (1903—1909) были достаточно насыщенными. С первых дней студенчества он включился в демократическое движение, в частности стал вести партийную работу в составе большевистской студенческой социал-демократической организации университета, за что трижды арестовывался царским правительством. В 1906 г. его избрали в центральный университетский орган — Совет старост Московского университета по списку большевистской фракции, а затем председателем этого руководящего студенческого органа и редактором издаваемого им журнала.

Имея способности и интерес к исследованию проблем уголовного права, принимал активное участие в семинаре, организованном в ту пору еще приват-доцентом университета М.Н. Гернетом. «Михаил Николаевич Гернет, уже тогда с очень плохим, все ухудшающимся зрением, был глубоко предан науке и преподаванию, — вспоминает Трайнин. — <...> У студентов Михаил Николаевич и как лектор, и как научный руководитель пользовался большим успехом. Свою теоретическую позицию он определял как “социологическое направление в уголовном праве”. Однако в этом сказались больше чаяния и настроения молодого ученого, горячего и убежденного демократа, чем его научные воззрения. Гернет в те годы не был марксистом, но глубоко тяготел к идеям и принципам Маркса. Студенты ценили в молодом доценте революционную направленность и гуманизм. Как научный руководитель, Михаил Николаевич обладал громадными достоинствами: умел разжечь интерес к своей дисциплине и крепко интерес этот поддерживать... Научное сотрудничество шло рядом с товарищеским общением... Эта связь учителя с учениками не прерывалась и по окончании университета...»⁶.

Занятия по уголовному праву вел проф. С.В. Познышев. Из воспоминаний А.Н. Трайнина: «Познышев сообщал студентам много разнообразных и полезных сведений. Впоследствии, когда я в процессе подготовки к профессорскому званию приходил к Сергею Викторовичу... на консультацию, он добросовестно помогал мне. Но ни в лекциях, ни в трудах профессора Познышева не было живительного творческого огонька. Он придумал какое-то свое неуловимое “социально-этическое” направление в уголовном праве, в котором весьма мало было отражено социальных проблем и не более этических принципов. Это было какое-то “среднее арифметическое” течение, основанное на теоретическом смешении

⁶ *Трайнин А.Н.* Воспоминания о Московском университете // Вестник Московского ун-та. Сер. 11. Право. 1991. № 2. С. 59.

разнородных идей классической и социологической школ в науке уголовного права»⁷.

Одна из первых работ, подготовленных Трайниным, была на тему «Движение преступности в Московской губернии периода 1894–1897 гг.». Автор осуществил исследование причин преступности и ее роста на территории Московской губернии. Обширный статистический материал дал возможность установить имевшуюся закономерность: колебания преступности отражают существующую прямую зависимость между условиями жизни людей и ростом преступности. М.Н. Гернет, характеризуя это исследование, пишет: «Доклад Трайнина, посвященный выяснению зависимости между экономическим положением населения Московской губернии и преступностью, так был продуман и серьезно подготовлен, что вызвал более широкий интерес, чем только для университетской аудитории, и был напечатан сначала в журнале “Право”, а потом отдельным изданием»⁸.

Сразу после этого Трайнин подготовил научные доклады «Преступность столиц и городов»⁹ и «Преступность города и деревни»¹⁰, которые впоследствии были опубликованы в солидных юридических изданиях. Как и прежде, автора интересовали не количественные критерии, характеризующие колебания преступности, а ее качественные аспекты, в том числе различия между причинами преступлений, совершаемых в столице, городах и сельской местности.

Причинному комплексу посвящена и работа «К характеристике женской преступности», в которой он на основании статистических материалов, в том числе о количестве женщин, привлеченных к уголовной ответственности за период 1897–1904 гг., пришел к выводу, что преступность женщин в городах выше, чем в сельских местностях, но «действительный источник преступности не город и не деревня, а те социальные недуги, которые лишь сильнее дают себя чувствовать в городах»¹¹.

⁷ Трайнин А.Н. Воспоминания о Московском университете. С. 58.

⁸ Гернет М.Н. Предисловие // Трайнин А. Движение преступности в Московской губернии за период 1884–1897 гг. Гуревич С. Движение преступности против собственности в Нижегородской губернии в 1891–1904 гг. в связи с экономическим положением губернии. М., 1908 (Семинарий по уголовному праву приват-доцента М.Н. Гернета; 1908 г. Вып. 1). С. 3 (далее — Семинарий по уголовному праву приват-доцента М.Н. Гернета. Вып. 1).

⁹ Трайнин А.Н. Преступность столиц и городов // Право. Еженедельная юрид. газ. СПб., 1908. 30 марта.

¹⁰ Трайнин А.Н. Преступность города и деревни. М., 1909.

¹¹ Трайнин А.Н. К характеристике женской преступности // Вестник права и нотариата. 1910. 14 апр.

В 1908–1909 гг. в Москве было осуществлено обширное социологическое исследование детской преступности. Его результаты нашли отражение в сборнике статей «Дети-преступники»¹², вышедшем под редакцией проф. М.Н. Гернета, заключительная глава которой «Общие выводы» написана Трайниным¹³.

Нетрудно заметить, что абсолютное большинство работ Трайнина, подготовленных автором во время учебы в университете или сразу после его окончания, посвящены криминологии. Вероятно, сказалось влияние руководителя семинара проф. М.Н. Гернета, занимавшегося уголовной статистикой и проблемами преступности, в том числе ее причинным комплексом.

Правда, надо сказать, что его дипломная работа «Классовая борьба и наказание в истории русского права» (1908), как свидетельствует название, относится к диахронным исследованиям проблем карательной практики, где автор на большом фактическом материале показал связь классовой борьбы и системы наказаний в самодержавной России¹⁴. Кстати, именно в ней впервые наглядно «проявились черты будущего ученого — оригинальность и смелость мышления»¹⁵.

В феврале 1909 г. Трайнин закончил университет с дипломом первой степени, проучившись вместо

¹² Дети-преступники / под ред. М.Н. Гернета. М., 1912.

¹³ Автор пишет: «Обследование показало, что по существу нет специфической детской преступности, так как одни и те же основные черты характеризуют и преступность взрослых, и детскую преступность. Нельзя отрицать, что возрастом определяются некоторые особенности детских правонарушений, однако при скрещивании двух групп факторов — социальной и физико-психологической, — определяющей оказывается социальная группа: невзирая на существенные возрастные различия, ребенок, подталкиваемый социальной необходимостью, идет той же дорогой и к той же цели, что и взрослый человек» (см.: там же. С. 545).

¹⁴ А.Н. Трайнин так описывает работу над дипломным проектом: «Эта тема, полная глубокого социального значения и раскрывающая самые истоки правосудия, оказалась столь захватывающей, что весь “лишний” год (пятый) я сидел над ней, забыв Смита, Рикардо и других экономистов (автор упоминает их потому, что проф. А.А. Мануйлов настойчиво рекомендовал ему заняться политэкономией. — Авт.), друзей и все на свете. В конце апреля работа была окончена» (см.: Трайнин А.Н. Воспоминания о Московском университете. С. 44).

Исследование было высоко оценено Гернетом. В своем обращении на юридический факультет профессор пишет, что Трайнин обнаружил выдающиеся способности; некоторые написанные им на студенческой скамье рефераты представляли такой научный интерес, что были приняты к напечатанию в журналах «Право», «Русская мысль». В связи с этим он ходатайствует перед факультетом об оставлении Трайнина для приготовления к профессорскому званию на кафедре уголовного права. «Я уверен, — отмечает Гернет, — что в лице его факультет и наука уголовного права приобретают выдающегося научного работника» (цит. по: там же. С. 45).

Ходатайство Гернета было поддержано С.В. Познышевым, советом профессоров Московского университета и попечителем Московского учебного округа.

¹⁵ Кузнецова Н.Ф. Арон Наумович Трайнин // Трайнин А.Н. Избр. труды. СПб., 2004. С. 9.

положенных четырех пять лет. «Вспоминая пятый, “лишний”, год, проведенный мною в университете, — пишет Арон Наумович, — я об этом ни в коей мере не жалею. Бурные 1903–1906 гг. были полны борьбы, достижений и разочарований. Но они отняли много времени и сил, а я с первых университетских дней мечтал о научной работе»¹⁶.

Еще во время учебы Трайнин увлекся проблемами несостоятельности и банкротства. Его интерес к этой теме был обусловлен рядом обстоятельств, в том числе ее межотраслевым характером, затрагивающим как гражданское, так и уголовное право, охватывающим не только юридические, но и социальные аспекты. В одном из своих выступлений на семинаре Гернета он высказал мысль о том, что «мы встречаемся с моментом общественной связанности всех слоев населения во всех фазах хозяйственного развития. Расстройство на одном конце вызывает потрясение всего общественного организма: если внизу оно проявляется в форме непосредственного посягательства на чужое добро, то наверху оно вырабатывает своеобразные виды преступности, например, банкротство»¹⁷. Банкротство Трайнин воспринимал как сложное социально-правовое явление, обуславливающее, в свою очередь, своеобразный деликт, состоящий из двух элементов, один из которых (несостоятельность) относится к гражданскому, другой (банкротское деяние) — к уголовному праву¹⁸.

30 октября 1912 г. А.Н. Трайнин на заседании уголовного отделения Санкт-Петербургского юридического общества выступает с докладом «Основные моменты реформы конкурсного законодательства» (законопроект об изменении производства дел о несостоятельности). Заседание проходило под председательством возглавлявшего уголовное отделение проф. В.Д. Набокова¹⁹, доклад Трайнина получил очень высокую оценку, в том числе и его предложения *de lege*

ferenda. Автор подчеркивал, что «в конкурсном производстве соприкасаются две часто друг другу противоречащие группы интересов — верителя и должника. Задача реформы должна заключаться, прежде всего, в отыскании той средней линии, которая может справедливо примирить эти интересы. В проектируемых изменениях действующего конкурсного производства отчетливо выступают два принципа: упрощение порядка объявления несостоятельным должником и отделение гражданского производства о несостоятельности от уголовного процесса о банкротстве. Кажется правильным утверждение, что поскольку первый принцип, облегчая объявление несостоятельности, укрепляет позицию *кредитора*, постольку же другой, эмансипируя должника от личного усмотрения кредиторов, улучшает положение *должника*»²⁰.

Работе А.Н. Трайнина «Несостоятельность и банкротство» уже больше века, однако она не потеряла свою актуальность; авторы уголовно-правовых исследований о банкротстве²¹ используют ее и сегодня.

Указанная работа в Московском городском народном университете им. А.Л. Шанявского²² (далее — Университет Шанявского) была одобрена в качестве диссертации.

Здесь необходимо дать ряд пояснений. Сразу после окончания Московского университета (1909) Трайнин был оставлен на кафедре уголовного права для подготовки к профессорскому званию на период 1909–1912 гг. Однако в знак протеста вместе с другими членами профессорско-преподавательского состава ушел из университета и начал преподавать в Университете Шанявского.

Причиной такого шага явилась сложившаяся в университете ситуация, вошедшая в историю как дело Кассо. В январе 1911 г. Министр просвещения Л.А. Кассо издал циркуляр «О временном

¹⁶ Трайнин А.Н. Воспоминания о Московском университете. С. 43.

¹⁷ Семинарий по уголовному праву приват-доцента М.Н. Гернета. Вып. 1. С. 13.

¹⁸ «Эта сложность состава банкротства чрезвычайно затемняет его юридическую природу.

Вопросы причинной связи, виновности, соучастия и покушения, словом, все проблемы общей части уголовного права получают новое и оригинальное освещение в применении к банкротству. Своеобразен в банкротстве и порядок возбуждения уголовного следствия и форма предания суду.

Казалось бы, эта сложность банкротства должна была привлечь к последнему усиленное внимание криминалистов. В действительности наблюдается обратное: банкротство систематически игнорировалось и игнорируется криминалистами» (см.: Трайнин А.Н. Несостоятельность и банкротство // Трайнин А.Н. Избр. труды. С. 386).

¹⁹ Набоков Владимир Дмитриевич (1869–1922) — юрист, политический деятель, журналист, публицист, один из лидеров Конституционно-демократической партии России; отец писателя В.В. Набокова.

²⁰ Трайнин А.Н. Несостоятельность и банкротство. С. 410, 411.

²¹ Уголовный кодекс РФ предусматривает три состава преступления: неправомерные действия при банкротстве — ст. 195; преднамеренное банкротство — ст. 196; фиктивное банкротство — ст. 197.

²² Создателем университета был Альфонс Леонович Шанявский (1837–1905) — генерал русской армии, сибирский золотопромышленник, завещавший все свое состояние на создание университета, в котором могли бы обучаться независимо от пола, вероисповедания и политической благонадежности. Летом 1905 г. тяжело больной Шанявский поручает устройство народного университета М.В. Сабашникову и В.К. Роту (см. подр.: Сабашников М.В. Записки. Письма. М., 2011; Сперанский М.В. Возникновение Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского. Историческая справка. М., 1913; и др.).

Здание университета, достроенное в 1912 г., входило в ансамбль культурного центра Миусской площади. Ныне в нем располагается Российский государственный гуманитарный университет.

недопущении публичных и частных заведений», в соответствии с которым запрещалось проведение собраний в университете. Ректору вменялось в обязанность исключить нахождение в вузе посторонних лиц, сообщать в полицию о предполагаемых сходках; градоначальнику — принять решение о закрытии университета, в случае волнений прибегая к помощи полиции. Циркуляр грубо нарушал положение Временных правил 1905 г., согласно которым правом ходатайствовать о закрытии университета обладал только Совет университета²³.

В ответ на это решение министра 28 января (10 февраля) на экстренном заседании Совета Московского университета ректор А.А. Мануйлов представил доклад о создавшемся в университете положении и заявил, что при таких условиях он не видит возможности исполнять обязанности и подает прошение об отставке. Такие же заявления были сделаны помощником ректора М.А. Мензбиром и проректором П.А. Минаковым. Совет университета признал, что в сложившейся ситуации выборная университетская администрация лишена возможности исполнять свои обязанности. Министр уволил указанных лиц из университета, одновременно запретив им заниматься преподавательской деятельностью по ведомству народного просвещения²⁴.

Решение Кассо с негодованием было встречено педагогами, воспринявшими его не только как оскорбление своих коллег, но как умаление авторитета Совета. 3 февраля 1911 г. ряд профессоров подали прошение об отставке, а к 20 февраля из университета уволилось 108 человек²⁵, в том числе 28% профессоров. К концу семестра из Московского университета ушла треть преподавательского состава.

Уволившиеся из университета стали преподавать в других высших учебных заведениях, А.Н. Трайнин оказался в Университете Шанявского, где проработал до 1918 г. Одновременно с преподавательской деятельностью вел частную практику. В 1916–1917 гг. редактировал газету еврейской интеллигенции «Новый путь».

После Университета Шанявского работал во Всесоюзном научно-исследовательском институте юридических наук (1925–1938), преподавал

²³ См. подр.: Императорский Московский университет. 1755–1917: энциклопедический словарь. М., 2010. С. 666; Иванов Ю.Ф. Московский университет в 1911 г. // Российские университеты в XVIII — начале XX века. Воронеж, 2002. Вып. 6. С. 167; и др.

²⁴ См.: Русские ведомости. 2011. 29 янв.

²⁵ По некоторым данным, Кассо одновременно удовлетворил 131 прошение об отставке (см., напр.: Иванов А.Е., Кулагина И.П. Русская профессура на рубеже XIX–XX веков // Русская история. 2013. № 2. С. 52).

в Московском государственном университете (1920–1930, 1943–1954), во Всесоюзной правовой академии (1935–1940), в Московском юридическом институте (1941). Все указанное время занимался адвокатской практикой.

В 1921 г. А.Н. Трайнин был утвержден в звании профессора, в 1938 г. постановлением ВАК ему присуждена ученая степень доктора юридических наук без защиты диссертации. В 1938–1954 гг. работал в Институте права АН СССР. 4 декабря 1946 г. избран членом-корреспондентом Академии наук СССР по Отделению экономики и права по специальности «уголовное право». В том же году удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки».

Такая оценка деятельности А.Н. Трайнина отражает его вклад в уголовное право, криминологию и уголовный процесс. Им было проведено большое количество исследований актуальных проблем в сфере уголовной юстиции, не потерявших свое значение и в настоящее время²⁶. А.Н. Трайниным была подготовлена монография «Система дисциплинарного процесса присяжных поверенных и их помощников»²⁷, издан ряд статей, посвященных проблемам уголовного процесса²⁸.

III

А.Н. Трайнин — один из основоположников советского социалистического уголовного права, автор первого учебника по Особенной части уголовного права²⁹, в котором обстоятельно обосновано

²⁶ Среди них такие работы, как: Трайнин А. Позитивное направление в уголовном праве // Право. Еженедельная юрид. газ. СПб., 1910. 28 марта; *Его же*. Новейшие течения в классической школе уголовного права // Там же. 18 июля; *Его же*. Кризис науки уголовного права. Борьба школ вокруг германского проекта угол. кодекса 1925 г. М., 1926; *Его же*. Спор классической и социологической школ о целях наказания // Новые идеи в правоведении / под ред. Л.И. Петражицкого. Сб. 1. Цели наказания / сост. П.И. Люблинским. СПб., 1914; *Его же*. Тресты и картели и уголовный закон // Право. Еженедельная юрид. газ. СПб., 1908. 14 сент.; *Его же*. Понятие и система преступлений против порядка управления. Самоуправство // Право и жизнь. 1925. Кн. 4–5. С. 64–74; *Его же*. Союзное положение о государственных преступлениях // Вестник сов. юстиции. Харьков, 1927. № 9–10; и др.

²⁷ См.: Трайнин А.Н. Система дисциплинарного процесса присяжных поверенных и их помощников. М., 1918.

²⁸ См., напр.: Трайнин А.Н. Суд коронный и суд присяжных // Народная энциклопедия научных и прикладных знаний. Харьков, 1911. Т. XI, п/т. I; *Его же*. К вопросу о классовом правосудии // Революционная законность. М., 1926. № 7–8. С. 1–3; *Его же*. Детский суд // Провинция. Витебск, 1912. № 14; *Его же*. Подсудность суду военного времени по закону 30 июля 1914 г. // Вестник права и нотариата. Год 7. № 40 (5 октября 1914 г.).

²⁹ См.: Трайнин А.Н. Уголовное право РСФСР. Часть Особенная. Преступления против государства и социального порядка / под общ. ред. Д.А. Магеровского. Л., 1925.

вана система Особенной части советского уголовного права. Анализ уголовного законодательства РСФСР представлен в сопоставлении с зарубежным законодательством.

В целом учебник был воспринят положительно³⁰, однако справедливости ради следует сказать, что имелись и отрицательные оценки. Так, на издание 1929 г. была опубликована рецензия, в которой автор, скрывшийся под инициалами, обвинил А.Н. Трайнина в протаскивании «в теорию советского уголовного права под флагом марксизма старой эклектической кашицы социологической школы, разбавленной розовой водичей “рассейского” либерализма. Правовая форма гипостазируется³¹, вновь воспроизводится система традиционных уголовно-правовых понятий, к которым приклеивается новая этикетка, и профессор спокойно анализирует приготовление и покушение, умысел и его виды, соучастие в его разновидностях... с тем лишь новшеством, что все они выступают в непривычной все же роли “критериев социальной опасности”...»³².

Во-первых, обращает на себя внимание недоброжелательный тон рецензента, оперирующего в основном идеологическими клише того времени. Во-вторых, трудно увидеть недостаток в том, что автор учебника использует теоретико-правовое наследие, например, при характеристике предварительной преступной деятельности, достаточно обстоятельно разработанной в дореволюционном уголовном праве³³. Кроме того, отметим существенную деталь. А.Н. Трайнин не просто апплицирует имеющиеся знания об указанных институтах на советское законодательство, а наполняет их

новым содержанием с учетом ряда обстоятельств: политики государства в противодействии преступности, идеологии (в том числе правовой), экономических, социальных и иных условий России первой половины прошлого века, еще не вполне сложившейся доктрины советского уголовного права. Наконец, преемственность права вообще и уголовного права в частности, выступая связующим звеном в их развитии, представляет собой передачу от поколения к поколению достижений уголовно-правовой доктрины, способствует усвоению социальных и общекультурных ценностей³⁴.

Рецензент выдвигает достаточно суровое обвинение автору – попытки «извращения марксизма... его искажения... подмены его старым социологическим эклектизмом...»³⁵. В связи с этим отметим лишь два обстоятельства: первое – учебник выдержал несколько изданий, широко использовался в учебном процессе; как отмечалось ранее, другими учеными оценивался положительно (это несколько не означает, что он не имел недостатков)³⁶. Как представляется, уже одного этого было бы достаточно признать критику необоснованной. Однако обратим внимание еще на один момент, относящийся не только к рассматриваемой работе А.Н. Трайнина, но и в целом к советской уголовно-правовой науке, переживавшей сложный период становления, перехода к декларируемому социалистическому уголовному праву. Речь в первую очередь идет о восприятии советскими криминалистами социологической школы уголовного права. Дело в том, что сторонники социологического направления уголовно-правовой теории исходили из того, что ее идеи родственны правовым взглядам революционного пролетариата. Именно исходя из этого, на наш взгляд, необходимо оценивать влияние этой школы на становление и развитие советской уголовно-правовой доктрины первой половины XX в.

Кроме учебника по уголовному праву примерно в то же время из-под пера А.Н. Трайнина выходят работы «Хозяйственные преступления»³⁷ (выдержала три издания) и др.

А.Н. Трайнин первым предпринял попытку научного анализа преступлений порядка управления, предложил их классификацию на семь групп: 1) сопротивление власти; 2) противодействие власти общее; 3) противодействие судебным функциям власти; 4) противодействие оборонительным

³⁰ Как указывается в современной литературе, учебник «удачно сочетал уголовно-правовую, криминологическую и социологическую характеристики преступлений и наказаний» (см.: Кузнецова Н.Ф. Арон Наумович Трайнин. С. 10).

³¹ Гипостазирование – название логической (семантической) ошибки мышления, принимающего общие понятия, выражающие одну из сторон действительного бытия, за самостоятельно существующие субъекты или сущности; также известно как реификация (овеществление, т.е. процесс превращения абстрактных понятий в якобы реально существующие феномены), конкретизм (тип восприятия, ориентированный на ценности или идеалы прошлого, воспринимаемые как канон), ошибки неуместной конкретности (иначе, ошибка двусмысленности, когда абстракция рассматривается как конкретное реальное событие или физическая сущность).

³² А.Г. А.Н. Трайнин. Уголовное право. Общая часть. Изд-во 1 МГУ, М., 1929. 511 с. // Сов. государство и революция права. 1930. № 1. С. 189.

³³ См., напр.: Баршев С.И. К учению о покушении. М., 1865; Колоколов Г.Е. К учению о покушении. М., 1884; Орлов А.Н. О покушении на преступление по началам науки и современным законодательствам. М., 1868.

Характеристику указанных и других дореволюционных работ, посвященных проблемам предварительной преступной деятельности, подробно см.: Ситникова А.И. Приготовление к преступлению и покушение на преступление. М., 2006.

³⁴ См.: Швеков Г.В. Преемственность в праве. М., 1983.

³⁵ А.Г. Указ. соч. С. 192.

³⁶ См., напр.: Уголовное право. История юридической науки / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1978. С. 17.

³⁷ Трайнин А.Н. Хозяйственные преступления. Текст и комментарий к ст. ст. 126–141 Уголовного кодекса. М., 1925.

функциям власти; 5) противодействие финансовым функциям власти; 6) пренебрежение к власти; 7) неповиновение власти³⁸. В последующем в классификацию указанных преступлений добавил еще одну группу деяний – преступления, противодействующие хозяйственным функциям власти³⁹.

Предложенная А. Н. Трайниным система преступлений против порядка управления в научной литературе подверглась критике. В вину автору вменялись два момента: игнорирование законодательного деления указанных деяний на особо опасные и иные преступления против порядка управления и включение в систему этих посягательств хозяйственных преступлений и преступлений против обороны страны. В связи с этим П. А. Филиппов отмечает: «Последнее замечание не совсем обоснованно, так как сам УК РСФСР 1922 г. отнес эти преступления к группе преступлений против порядка управления»⁴⁰.

Проблемы классификации рассматриваемых преступлений во многом обусловлены не столько теоретическими изъянами, сколько несовершенством законодательной техники, в том числе систематизации преступлений в рамках Особенной части Уголовного кодекса, отсутствием их внутреннего единства, являющегося характеристикой любой системы, их разнородностью, отнесением к преступлениям против порядка управления деяний, в которых нет «ни в какой мере посягательств на деятельность госорганов»⁴¹.

О данной группе преступлений такое же мнение высказывали и другие советские криминалисты. Например, М. М. Исаев из-за большого количества разнообразных составов, интегрированных в гл. 2

³⁸ См.: *Трайнин А. Н.* Уголовное право РСФСР. Часть Особенная. Преступления против государства и социального порядка / под общ. ред. Д. А. Магеровского. С. 63.

³⁹ См.: *Трайнин А. Н.* Уголовное право РСФСР. Часть Особенная. Преступления против государства и социального порядка. 2-е изд., доп. и перераб. в соответствии с УК ред. 1926 г. и союзным «Положением» 1927 г. М., 1927. С. 104, 105.

⁴⁰ *Филиппов П. А.* Научный вклад членов кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ в развитие ответственности за преступления против порядка управления // *Вестник Московского ун-та. Сер. II. Право.* 2016. № 6. С. 69.

В литературе предлагались и иные классификации рассматриваемых преступлений. Например, А. А. Пионтковский делил все деяния всего на две группы: общие посягательства на госаппарат и специальные посягательства на госаппарат (см.: *Пионтковский А. А.* Советское уголовное право. Особенная часть. М., 1928. С. 279). На наш взгляд, бесспорно очевидно: такая классификация не позволяет уяснить правовую природу ряда деяний, включаемых в ту или иную группу, определить их межгрупповые связи, уяснить содержание ряда признаков составов этих преступлений.

⁴¹ *Трайнин А. Н.* Уголовное право РСФСР. Часть Особенная. Преступления против государства и социального порядка / под общ. ред. Д. А. Магеровского. С. 63.

УК РСФСР 1926 г., эту структурную часть Кодекса называл «универсальным магазином»⁴².

Характеристика ряда составов преступлений против порядка управления, толкование некоторых их признаков, данное А. Н. Трайниным, сохранили не только свое доктринальное, но и практическое значение⁴³.

Курс лекций А. Н. Трайнина «Уголовное право. Общая часть»⁴⁴ выгодно отличается от аналогичных изданий других авторов, и в первую очередь тем, что он органично сочетает уголовно-правовую трактовку основных институтов уголовного права с социологической и криминологической характеристикой преступления и наказания. Так, вторая глава Курса полностью посвящена криминологическим проблемам оценки преступности в СССР и за рубежом, факторам преступности и борьбе с ней.

Таким образом, исследования А. Н. Трайнина, его работы 20–30-х годов прошлого века создали прочную основу доктрины советского уголовного права, оказали существенное влияние на дальнейшее развитие как уголовно-правовой науки, так и законодательской деятельности. По его учебникам, учебным пособиям, научно-практическим комментариям учились и работали не одно поколение советских юристов. Этот момент особенно важен, поскольку в Советской России только шел процесс формирования профессиональных кадров юристов вообще и специалистов в сфере уголовной юстиции в частности.

На I Всесоюзном совещании работников высшей школы, состоявшемся 15 мая 1938 г., отмечалось: «Следует признать, что среди всех недостатков высшей школы главным в настоящее время является недостаток хороших учебников... Решающая задача заключается в том, чтобы обеспечить высшую школу хорошими учебниками, достойными нашего великого дела...»⁴⁵. Подчеркивалось, что учебник по праву «должен быть на уровне современной науки и вполне доступен учащимся

⁴² *Исаев М. М.* Уголовное право. Особенная часть. М., 1929. С. 279.

Следует заметить, что законодатель не смог преодолеть указанный недостаток при формировании как УК РСФСР 1960 г., так и УК РФ (см. подр.: *Филиппов П. А.* Указ. соч. С. 68).

⁴³ Так, признак публичности при оскорблении представителя власти ученый связывал не с местом совершения преступления, а с наличием посторонних лиц (свидетелей) при совершении деяния. Такой подход полностью поддерживался в советской уголовно-правовой доктрине (см., напр.: *Пионтковский А. А., Меньшагин В. Д., Чхиквадзе В. М.* Курс советского уголовного права: в 3 т. Т. 2. Особенная часть. М., 1959. С. 455), так признак публичности воспринимается в современной судебной практике.

⁴⁴ *Трайнин А. Н.* Уголовное право. Общая часть. М., 1929.

⁴⁵ *Большевик.* 1938. № 10–11. С. 7.

по своему языку. Он должен дать необходимый объем знаний и вместе с тем подготовить учащегося к его будущей практической деятельности. Он должен широко использовать прежние наши учебники и иностранные учебники, где очень много ценного для учебы, и вместе с тем он должен в необходимой мере отвечать задачам идейно-политического воспитания молодежи»⁴⁶.

В 1938 г. в серии выпусков по Особенной части уголовного права выходит работа А.Н. Трайнина «Должностные и хозяйственные преступления»⁴⁷, представляющая собой учебник по соответствующему разделу курса. Оценивая издание, М.Д. Шаргородский и М.В. Красильников пишут, что, несмотря на некоторые недостатки, «работа дает, наконец, юридическим вузам учебник, в котором долгое время испытывалась острая нужда..., восполняет тот пробел, который имелся в области учебников по Особенной части уголовного права...»⁴⁸. Авторы отмечают ряд несомненных, по их мнению, достоинств учебника. Во-первых, к ним они относят: четкий юридический анализ составов преступлений рассматриваемой главы Уголовного кодекса, использование при этом значительного объема законодательства капиталистических государств; язык книги простой и ясный; по охваченному материалу она содержит весь материал, предусмотренный учебной программой. Во-вторых, представлены законодательные акты союзных государств и дана их характеристика. В-третьих, учебник четко структурирован: разделен на параграфы, которые, как правило, заключают в себе или относительно самостоятельные части в изложении общих вопросов либо освещение частных аспектов темы. Такой подход вполне оправдан методически: расположение материала позволяет студенту сосредоточить внимание на главном, существенном. Разумеется, выделенными обстоятельствами не ограничиваются особенности указанной работы.

Значительным вкладом в сокровищницу русской уголовно-правовой мысли стала монография А.Н. Трайнина «Учение о соучастии»⁴⁹ – первое в советском уголовном праве фундаментальное исследование по столь актуальной, теоретически и практически значимой проблеме⁵⁰. Работа

охватывает весь круг наиболее существенных вопросов: основания уголовной ответственности при соучастии; понятие соучастия; виды соучастия; виды соучастников; специальные вопросы в учении о соучастии; действия, примыкающие к соучастию; ответственность соучастников⁵¹.

Заметим, что проблема соучастия в литературе всегда признавалась и признается в настоящее время одной из самых сложных проблем уголовного права⁵². Достаточно сказать, что до сих пор окончательно не решен вопрос о правовой природе рассматриваемого уголовно-правового явления, т.е. по основному моменту данного феномена.

В теории уголовного права сформировались два основных подхода к его определению. Одна точка зрения исходит из акцессорной (лат. *accessorium* – дополнительный, несамостоятельный) природы соучастия. Ее истоки лежат в уголовно-правовой литературе XIX в. Согласно данной концепции, основой соучастия признается деятельность исполнителя, а действия всех остальных соучастников – дополнительными (акцессорными), поэтому юридическая оценка поведения последних полностью обусловлена действиями исполнителя. Иными словами, если содеянное им признается преступным и наказуемым, то таковыми считаются и деяния соучастников, и наоборот, если действия исполнителя по каким-то причинам считаются не преступными или он не был привлечен к уголовной ответственности, то не могут быть привлечены к ответственности и соучастники⁵³.

В соответствии со второй точкой зрения соучастие рассматривается как самостоятельная форма преступной деятельности. Сказанное означает, что

монографическими работами по этой теме, пожалуй, являются исследования А.С. Жиряева «О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении» (Дерпт, 1850) и Г.Е. Колоколова «О соучастии в преступлении (о соучастии вообще и подстрекательстве в частности)» (М., 1881). Вопросы соучастия в той или мере рассматривались во всех изданных дореволюционных учебниках.

В этом случае имеется в виду советское социалистическое уголовное право.

⁵¹ Вопросы соучастия автор затрагивает и в монографии: Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957 (гл. 4 «Состав преступления и соучастие»).

⁵² Соучастие представлено в исследованиях немецких криминалистов Биндинга, Биркмейера, Титтмана, Фейербаха, русских ученых Н.Д. Сергеевского, Н.С. Таганцева и др.

⁵³ См. подр.: Гольдинер В. К вопросу о соучастии в советском уголовном праве // Соц. законность. 1939. № 1; Гришаев П.И., Кригер Г.А. Соучастие по советскому уголовному праву. М., 1959; Шаргородский М.Д. Некоторые вопросы общего учения о соучастии // Правоведение. 1960. № 1; Шнейдер М.А. Соучастие в преступлении по советскому уголовному законодательству. М., 1958; 2-е изд. 1963; Пудовочкин Ю.Е. Концепция соучастия: опыт теоретической разработки и нормативного закрепления // Журнал рос. права. 2018. № 8; и др.

⁴⁶ Большевик. 1938. № 10–11. С. 7, 8.

⁴⁷ Трайнин А.Н. Должностные и хозяйственные преступления. М., 1938 (Уголовное право. Особенная часть / Всес. ин-т юрид. наук).

⁴⁸ Шаргородский М.Д., Красильников М.В. Рецензия на работу А.Н. Трайнина «Должностные и хозяйственные преступления». Всесоюзный институт юридических наук. Москва, 1938 г. // Проблемы социалистического права. Сб. 6. М., 1938. С. 107.

⁴⁹ Трайнин А.Н. Учение о соучастии. М., 1941.

⁵⁰ Следует заметить, что проблема соучастия активно исследовалась и в дореволюционном уголовном праве. Первыми

соучастники несут ответственность не за действия исполнителя, а за лично совершенные ими деяния, которые и выступают основанием уголовной ответственности. Именно поэтому соучастники подлежат ответственности независимо от того, привлекается ли к ней исполнитель или он освобождается от нее по основаниям, предусмотренным законодательством⁵⁴.

М.И. Ковалев занимал промежуточную позицию между указанными подходами. С одной стороны, он признавал наличие элементов акцессорности в соучастии, с другой — ограничивал ее влияние на решение вопросов ответственности соучастников, в частности, тем, что добровольный отказ исполнителя от совершения преступления не исключает возможность привлечения к уголовной ответственности организатора, подстрекателя или пособника (в настоящее время эта идея реализована в ст. 34 УК РФ)⁵⁵.

А.Н. Трайнин выступает сторонником признания рассматриваемого уголовно-правового института самостоятельной формой преступной деятельности. «Соучастие не вносит изменений в общепризнанные основания уголовной ответственности, оно не создает нового вида солидарной ответственности: как при индивидуальной, так и при деятельности по соучастию уголовная ответственность покоится на двух одинаково необходимых основаниях — объективном (причинности) и субъективном (виновности). Соучастие образует лишь особую форму ответственности, так как оно представляет собой особую форму *деятельности* — деятельности нескольких лиц, совершающих одно и то же преступление»⁵⁶.

В соучастии ученый выделяет два обязательных признака: количественный и качественный⁵⁷. Если суть первого, по его мнению, не вызывает сомнений (одно лицо соучастие образовать не может), то этого нельзя сказать по поводу второго обстоятельства.

⁵⁴ См., напр.: *Иванов Н.Г.* Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве. Саратов, 1991.

Л.Д. Ермакова отмечает, что действия соучастников не являются производными от действия исполнителя, они выступают участниками «чужого преступления», а выполняют собственное деяние, поэтому в учении о соучастии нет места акцессорности (см.: *Энциклопедия уголовного права.* СПб., 2007. Т. 6. С. 19).

⁵⁵ См. подр.: *Ковалев М.И.* Соучастие в преступлении // *Ученые труды Свердловского юрид. ин-та.* Свердловск, 1962. Вып. 2.

⁵⁶ *Трайнин А.Н.* Учение о соучастии. С. 78.

⁵⁷ В современной уголовно-правовой литературе выделяются два объективных (количественный и качественный) и два субъективных (умышленная форма вины соучастников и соучастие в умышленном преступлении) признака соучастия (см., напр.: *Уголовное право. Общая часть / под ред. А.И. Чукаева.* М., 2015. С. 191–195).

Проблема заключается в ответе на принципиально важный вопрос: требуется ли для соучастия наличие определенного рода связи между соучастниками?

Именно это обстоятельство в литературе относится к числу наиболее дискуссионных в учении о рассматриваемом институте. Причем споры делятся уже не один век, дискуссии идут как в российской, так и зарубежной уголовно-правовой доктрине.

Выделяются две основные позиции, находящиеся в диаметрально противоположных точках континуума. Согласно первой из них, для наличия соучастия нет необходимости в существовании особой связи между действующими лицами; соучастие имеет место всегда при совершении несколькими лицами одного и того же преступления⁵⁸. Однако «отказ в требовании определенной субъективной связи между соучастниками неизбежно приводит к построению уголовной ответственности на одном объективном стечении разрозненных действий нескольких лиц, т.е. к объективному вменению наступившего результата»⁵⁹.

В соответствии со второй точкой зрения, возникшей в российской уголовно-правовой доктрине начала второй половины XIX в., субъективная связь выступает необходимым элементом соучастия, и, как правило, на протяжении длительного времени ее сводили к соглашению, обычно в виде предварительного сговора⁶⁰.

Оценивая сложившуюся в литературе ситуацию с признанием субъективной связи между соучастниками, А.Н. Трайнин отмечает: «Обе крайние теории — теория, отрицающая какую бы то ни было органическую связь между соучастниками, и теория, конструирующая эту связь в весьма интенсивной форме — в форме предварительного

⁵⁸ Например, П.П. Пусторослев таковым признавал «умышленное соучастие в уголовном правонарушении, без всякого соглашения между участниками, без всякого знания одним участником об участии другого» (см.: *Пусторослев П.П.* Русское уголовное право. Юрьев, 1912. С. 431).

⁵⁹ *Трайнин А.Н.* Учение о соучастии. С. 73.

⁶⁰ Например, Н.С. Таганцев пишет: «Соглашение составляет коренное условие соучастия. Пока оно не доказано по отношению к каждому из лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, до тех пор немисливо говорить о соучастии как специального типа виновности» (см.: *Таганцев Н.С.* Курс русского уголовного права. Часть Общая. СПб., 1880. Кн. 1. С. 5).

Эту же мысль высказывали и другие дореволюционные и советские криминалисты. Так, Л.С. Белогриц-Котляревский утверждал, что «единение воли или соглашение составляет коренное условие соучастия как солидарной виновности» (см.: *Белогриц-Котляревский Л.С.* Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев, 1903. С. 205). На соглашение как признак соучастия указывает А. Лаптев: «Соучастие по советскому уголовному праву можно определить как участие нескольких лиц, основанное на соглашении в совершении одного или нескольких преступлений» (см.: *Лаптев А.* Соучастие по советскому уголовному праву // *Сов. юстиция.* 1938. № 23–24. С. 13).

соглашения – не могут быть признаны верными. Они обе искажают природу соучастия, хотя и в разном направлении: одна – чрезмерно расширяя, другая – слишком суживая объем соучастия. При этом ошибка, в которую впадают сторонники соглашения как существенного признака соучастия, столь же глубока, как и ошибка теоретиков, не требующих никакой связи между соучастниками»⁶¹.

По мнению А.Н. Трайнина, соучастие вполне мыслимо и в тех случаях, когда отсутствует взаимная осведомленность каждого из соучастников о присоединившейся деятельности другого соучастника, но лишь тогда, когда лицом, которое не знает об участии другого в совершении преступления, является исполнитель деяния. «Соучастие... не есть деятельность нескольких лиц, обязательно основанная на предварительном соглашении. Между соучастниками необходима субъективная связь. Соучастие поэтому может быть... определено как такого рода совместное совершение несколькими лицами одного и того же преступления, при котором, по крайней мере, подстрекатель и пособник знают о деятельности исполнителя. Где нет этой минимальной субъективной связи между участниками, там нет соучастия. Где эта субъективная связь принимает более интенсивные формы, там она служит основанием к различению отдельных видов соучастия»⁶².

Судя по всему, А.Н. Трайнин, говоря о минимальной субъективной связи между соучастниками, имеет в виду двустороннюю связь между участвующими в деянии лицами, хотя, как было сказано, при этом не исключает соучастие при подобной односторонней связи. В настоящее время этой позиции придерживаются лишь отдельные ученые. Так, А.В. Наумов полагает, что «односторонняя субъективная связь может быть иногда положена в основу признания в конкретном случае наличия соучастия в преступлении. Это возможно, когда подстрекатель желает возбудить в исполнителе или в другом соучастнике намерение совершить преступление, хотя исполнитель и не осознает истинной подстрекательской роли другого соучастника...»⁶³.

Автор подвергает резкой критике и дефиницию соучастия, отраженную в учебнике уголовного права, согласно которой «соучастие... есть умышленное участие двух или нескольких лиц в совершении умышленного преступления»⁶⁴, считая, что «такое понимание лишает соучастие его характерной

особенности как особой формы ответственности и вместе с тем превращает соучастие из некоторого органического *единства* в простую совокупность нескольких лиц, виновных в совершении одного преступления, подобно тому, как существует совокупность нескольких, совершенных одним лицом. Подобное понимание соучастия, по существу, находится в противоречии с принципами социалистического уголовного права и неизбежно создает непреодолимые трудности на практике»⁶⁵.

С оценкой Трайниным приведенного определения соучастия согласиться достаточно сложно. Не ставя целью дать расширенный анализ как указанной дефиниции, так и доводов, на которых основана критика, отметим: авторам учебника удалось сформулировать понятие соучастия, которое, во-первых, в настоящее время дословно воспроизведено в ст. 32 УК РФ; во-вторых, не только не исключает субъективную связь между соучастниками преступления, а наоборот, очень удачно и точно отражает ее указанием на умышленное участие лиц в совершении умышленного преступления.

Исходя из характера и степени субъективной связи между соучастниками⁶⁶, А.Н. Трайнин различает три вида соучастия: 1) простое; 2) квалифицированное с предварительным соглашением соучастников; 3) соучастие особого рода (*sui generis*), «т.е. соучастие в форме участия в преступном объединении (организации, банде, шайке, блоке, заговоре)»⁶⁷.

Следует заметить, что вопрос о видах (формах) соучастия является дискуссионным⁶⁸. Точка зрения А.Н. Трайнина – одно из мнений, высказанных в литературе. В современной доктрине уголовного права, во-первых, нет единой позиции относительно соотношения понятий вида и формы соучастия.

⁶⁵ Трайнин А.Н. Учение о соучастии. С. 70.

⁶⁶ Эта связь некоторыми современными авторами признается социально-психологическим критерием соучастия (см.: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учеб. для вузов / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М., 2012. С. 426).

⁶⁷ Там же. С. 79.

В литературе ошибочно утверждается, что А.Н. Трайнин предлагал четырехчленную систему форм (видов) соучастия, указывая при этом, помимо названных, организованную группу (см.: Полный курс уголовного права: в 10 т. Т. III: Уголовная ответственность. Преступление / под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2021. С. 525).

⁶⁸ Начало этой дискуссии скорее всего положено Н.С. Власьевым, выделявшим два вида соучастия – с предварительным сговором (заговор) и без такового. Кроме того, он называл еще одну его разновидность – смешанную форму соучастия в виде банды или шайки, которая может охватывать как предварительную договоренность, так и «случайное сообщество» (см.: Власьев Н. О вменении по началам теории и древнего русского права. М., 1860. С. 67).

С того времени рассматриваемая проблема не получила единообразного разрешения.

⁶¹ Трайнин А.Н. Учение о соучастии. С. 73.

⁶² Там же. С. 77.

⁶³ Флетчер Дж., Наумов А.В. Основные концепции современного уголовного права. М., 1998. С. 471.

⁶⁴ Уголовное право. Часть Общая. М., 1938. С. 314.

Одни авторы их отождествляют, другие полагают, что они по своей сути различны, отражают самостоятельные классификации, в основе которых лежат различные критерии. Во-вторых, существенно различается содержание указанных классификаций⁶⁹.

Выделение конкретных соучастников А. Н. Трайниным предлагалось производить на основе учета функций, осуществляемых ими до или в процессе совершения преступления, т.е. по их типовому различению. В этом смысле им назывались известные уголовно-правовой науке и законодательству фигуры: организатор, подстрекатель, исполнитель и пособник.

Особый интерес, в том числе исходя из современных дискуссий, полагаем, представляет вопрос о соучастии в неосторожном преступлении. Многие как дореволюционные, так и советские и постсоветские ученые считали, что соучастие в сочетании с неосторожностью невозможно. Так, А. С. Жиряев писал: «Утверждая, что всякий вид участия и прикосновенности бывает лишь сознательный, заведомый или умышленный, я этим самым *отвергаю только мнение тех, которые допускают возможность* сделаться совиновником, подстрекателем, пособником, попустителем и т.д. вследствие преступной неосторожности»⁷⁰.

В советской уголовно-правовой литературе соучастие также связывалось только с умышленной формой вины⁷¹.

По мнению А. Н. Трайнина, такой взгляд на рассматриваемый институт расходится с действительностью⁷². Он пишет, что «при совершении преступления по соучастию необходимо наличие объективной (причинной) и субъективной (виновной) связи. Поскольку виновная связь возможна или в форме умысла, или в форме неосторожности, нет решительно оснований утверждать, будто соучастие в сочетании с неосторожной виной вообще немыслимо»; «соучастия нет, когда исполнитель действует умышленно, а помогавшие ему лица — неосторожно. Соучастия также нет, когда умышленно действуют третьи лица,

а исполнитель — неосторожно. Но соучастие имеется во всех случаях совместного совершения несколькими лицами одного и того же неосторожно-го преступления»⁷³.

Однако при этом автор, признавая теоретическую возможность соучастия по неосторожности, исключает необходимость введения в уголовное законодательство общей нормы об ответственности за него, считая достаточным объявление уголовно наказуемым подобного соучастия лишь за небольшой круг преступлений.

Признание возможности соучастия в неосторожном преступлении противоречит утверждению самого же Трайнина о необходимости субъективной связи между соучастниками, чего нет в указанном случае⁷⁴. Здесь налицо «разновидность множественности участников преступления, где несколько лиц совершают по неосторожности одно преступное деяние либо причиняют единый преступный результат»⁷⁵.

Н. А. Бабий, на наш взгляд, обоснованно утверждает, что «соучастия в неосторожных преступлениях нет, но есть проблема законодательного закрепления ответственности за “неосторожное причинение”»⁷⁶.

В течение ряда лет А. Н. Трайнин исследовал одну из сложнейших и, пожалуй, центральных проблем теории уголовного права, но менее разработанных в уголовно-правовой доктрине⁷⁷ — состав

⁷³ Трайнин А. Н. Учение о соучастии. С. 111, 114.

Н. Ф. Кузнецова отмечает, что данное утверждение критиковалось еще при жизни А. Н. Трайнина, «но это, пожалуй, единственное, что не было воспринято законодательством и доктриной» (см.: Кузнецова Н. Ф. Арон Наумович Трайнин. С. 12).

⁷⁴ Доказывая возможность соучастия в неосторожном преступлении, А. П. Козлов исходит из того, что «механизм совершения преступления по неосторожности ничем не отличается от механизма совершения преступления с косвенным умыслом» (см.: Козлов А. П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001. С. 68). Утверждение автора о совпадении механизма совершения указанных преступлений не основано на реальном положении вещей (см., напр.: Белокобыльский Н. Н., Чураев А. И. Механизм транспортного преступления. Саратов, 1991).

⁷⁵ Нерсесян В. А. Ответственность за неосторожные преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 214.

⁷⁶ Бабий Н. А. Множественность лиц в преступлении и проблемы учения о соучастии. М., 2013. С. 577.

⁷⁷ В 1906 г. Белинг в монографии «Учение о преступлении» писал: «Исключительное значение, которое имеет в действующем праве состав преступления, настойчиво требует, чтобы учение о составе было разработано специально и основательно. Наука до настоящего времени этой задачи не разрешила». В 1921 г. Зауэр замечает: «Современное культурное государство, государство, в котором хотя бы в некоторой мере право развито и правосудие организовано, не может обойтись без правового понятия состава преступления... Без состава преступления самый опытный, самый знающий судья может прийти в одинаковых случаях к противоположным решениям».

⁶⁹ См., напр.: Галиакбаров Р. Р. Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. Краснодар, 2000. С. 16; Уголовное право России. Общая часть / под ред. А. И. Рарога. М., 2008. С. 218–220.

⁷⁰ Жиряев А. С. Указ. соч. С. 36.

⁷¹ См., напр.: Тельнов П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1974.

⁷² Г. Е. Колоколов также считал, что «соучастие, со стороны субъективной, предполагает только, что каждое из участвующих лиц действует виновным образом, причем для бытия соучастников совершенно индифферентно, выпадает ли на долю преступников *dolus* или *culpa*, существует ли между ними соглашение или нет» (см.: Колоколов Г. Е. О соучастии в преступлении (о соучастии вообще и подстрекательстве в частности). С. 50. 51).

преступления. Будучи краеугольным камнем уголовно-правовой доктрины, состав преступления, имея философские основы⁷⁸, практически затрагивает все институты Общей части уголовного права (достаточно, например, сказать, что с ним связано основание уголовной ответственности); основываясь на нем, решаются вопросы квалификации конкретных преступлений, их разграничения.

Результаты исследования автором опубликованы в трех, по сути, самостоятельных монографиях⁷⁹. А.Н. Трайнин в своих работах использует дефиницию состава преступления, в соответствии с которой он представляет собой «совокупность всех объективных и субъективных признаков (элементов), которые, согласно закону, определяют данное преступление»⁸⁰. Нетрудно заметить, что, говоря о составе преступления как таковом, автор формулирует понятие состава конкретного преступления, хотя при этом сам признает, что состав преступления — понятие родовое⁸¹.

Родовое понятие предполагает отдельные виды определяемого явления. Многие зарубежные авторы (Миттермейер, Биндинг, Гиппель и др.) выделяют два вида состава преступления: объективный и субъективный. В России эту позицию разделял Э.Я. Немировский: «В составе преступления различают объективные признаки — деяние, с его внешней стороны и объект (*объективный состав*) и субъективные — внутреннюю сторону деяния, его отношение к психике субъекта, или вину последнего и различные ее формы (*субъективный состав*)»⁸².

Подобный подход к выделению рассматриваемых видов состава преступления, по мнению

А.Н. Трайнина, сложился под влиянием классической школы уголовного права, относившей к нему лишь признаки, связанные с преступным действием. Между тем состав преступления охватывает как субъективные, так и объективные элементы преступного действия. «При этом последнем понимании, — отмечает он, — различие субъективного и объективного состава является не формой классификации составов, а попыткой расчленивать, расколоть единое понятие состава на два отдельных состава — объективный и субъективный. В действительности можно говорить о субъективных и объективных элементах состава, но двух составов — субъективного и объективного — в одном преступлении быть не может»⁸³.

Как полагал А.Н. Трайнин, та же тенденция расчленения единого понятия состава преступления просматривается и при его делении на общий и специальный составы. В этом случае общий состав преступления относится ко всем без исключения деяниям (без него нельзя говорить о наличии преступления как такового), а специальный, или особый, характеризует конкретное преступление (Фейербах, Зауэр, Штубель, Мещгер, Лист, Горро, Спасович и др.)⁸⁴.

Исходя из этого, различается и наказуемость посягательства; выделяются абстрактная и конкретная виды наказуемости. Наказуемость первого вида обосновывается «теми свойствами деяния, благодаря которым оно является основанием необходимости и правовой возможности наказания; если в отдельном факте содержатся эти свойства, имеется наказуемость “конкретная”»⁸⁵.

Подобного рода утверждения А.Н. Трайнин считал ошибочными. По его мнению, в действительности термины «общий», «абстрактный»

В 1928 г. состояние разработанности данной проблемы Циммерль в работе «К учению о составе» красноречиво отразил в названии соответствующей главы — «Забывтая и брошенная проблема» (см.: Трайнин А.Н. Учение о составе преступления. М., 1946. С. 5).

В русской дореволюционной литературе впервые, хотя и очень кратко (на четырех страницах), состав преступления рассмотрел В.Д. Спасович (см.: Спасович В.Д. Учебник уголовного права: в 2 т. СПб., 1863. Т. 1. С. 89).

Специальная работа, посвященная составу преступления, в советской России была опубликована в 1939 г. в серии «Библиотека народного судьи и народного заседателя» (см.: Липтев А.В. Состав преступления и квалификация уголовных дел. М., 1939). Издание имело сугубо практический характер, вопросы учения о составе преступления в нем не затрагивались.

⁷⁸ См. об этом подр.: Коробеев А.И., Лун Чанхай. Философские основы учения о четырехэлементном составе преступления // Современное право. 2010. № 2.

⁷⁹ См.: Трайнин А.Н. Учение о составе преступления; Его же. Состав преступления по советскому уголовному праву. М., 1951; Его же. Общее учение о составе преступления. М., 1957.

⁸⁰ Трайнин А.Н. Учение о составе преступления. С. 43.

⁸¹ См.: там же. С. 44.

⁸² Немировский Э.Я. Учебник уголовного права. Общая часть. Одесса, 1919. С. 68.

⁸³ Трайнин А.Н. Учение о составе преступления. С. 45.

Против указанного деления состава преступления выступал Н.С. Таганцев: «Еще менее значения представляет деление состава на объективный, относящийся к внешней стороне деяния, и субъективный, охватывающий условия виновности, так как понятно, что обе группы условий только в их совокупности образует состав преступления» (см.: Таганцев Н.С. Курс русского уголовного права. Часть Общая. СПб., 1880. Кн. 2. С. 382).

⁸⁴ Судя по монографии «Общее учение о составе преступления», в последующем А.Н. Трайнин пересмотрел свою позицию относительно деления составов на общие и специальные. «Особенность составов общих и специальных, особенность, имеющая весьма большое значение для правильной квалификации преступлений, заключается в том, что эти составы по существу однородны, но они охватывают *род* и *виды* одних и тех же преступлений.

Практическое значение различия общих и специальных составов заключается в том, что всегда и, безусловно, при наличии двух норм, предусматривающих одна — родового состава, другая — специальный, видовой, состав, квалифицировать преступное действие надлежит не *по общей*, а *специальной норме*» (см.: Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления // Трайнин А.Н. Избр. труды. С. 185).

⁸⁵ Трайнин А.Н. Учение о составе преступления. С. 45.

в данном случае отражают не классификацию составов, не отдельные их виды, а общее понятие состава. «Подобно тому как преступление может быть определено в общей форме как общественно опасное, противоправное и виновное действие, и в конкретной форме как кража, убийство и т.д., так и состав преступления может быть определен в общей форме как совокупность элементов преступного действия, и в конкретной как совокупность элементов убийства, кражи и т.д.»⁸⁶. Автор считал неправомерным и выделение т.н. усеченного состава преступления⁸⁷. «Предположение о существовании “усеченных” составов логически предполагает существование какой-то средней нормы составов, ниже которой, очевидно, и опускается так называемый “усеченный состав”, а с другой стороны, и существование, так сказать, “переполненных” составов, в которых количество элементов превышает “норму”. Однако хорошо известно, что никаких средних “нормальных” составов не существует и существовать не может: как не существуют и составы с “переполнением” элементов. Состав преступления таков, каким он описан в законе»⁸⁸.

А.Н. Трайнин не разделял взглядов как дореволюционных, так и советских ученых на состав преступления как четырехэлементное образование; классификацию элементов состава преступления на объект, субъект, объективную и субъективную стороны считал «глубоко ошибочной». Он утверждал, что не существует таких элементов состава преступления, как объективная сторона, субъективная сторона и т.д. В действительности имеются элементы состава, характеризующие субъективную сторону преступления (вина, мотив, цель и др.), и элементы состава, характеризующие объективную сторону (действие, причинная связь,

последствия, время и место совершения преступления и др.).

По его мнению, нет такого элемента состава преступления, как субъект преступления. Человек, признаваемый субъектом преступления, не может являться элементом состава, в том числе и основным. На самом деле таковыми выступают признаки, которые ограничивают круг лиц, которые могут нести ответственность за конкретные преступления.

Корни указанных ошибок, как полагал А.Н. Трайнин, кроются в смешении понятий «преступление» и «состав преступления», не являющихся тождественными. В качестве иллюстрации он приводит пример с ответственностью соучастников преступления: «соучастие неизменно предполагает ответственность за одно и то же преступление, но не всегда за один и тот же состав»⁸⁹.

Существо вопроса, по его утверждению, заключается в том, что объект⁹⁰, объективная сторона, субъект, субъективная сторона не являются элементами состава преступления, поэтому последний из них слагаться не может. Все указанные элементы относятся к преступлению, а состав преступления охватывает элементы, характеризующие объект, объективную сторону, субъекта преступления и его субъективную сторону⁹¹. Н.Е. Крылова, на наш взгляд, обосновано указывает, что налицо противопоставление категорий преступления и его состава⁹².

Концепция о составе преступления в целом в юридической литературе подвергалась критике. В частности, отмечалось, что если следовать позиции Трайнина, то это приведет к изъятию из круга проблем, исследуемых учеными, практически всех элементов состава преступления, кроме объекта. «Проблема причинения (а ее нельзя рассматривать без деяния и его последствий), т.е. объективная сторона состава, проблема вины (а ее нельзя рассматривать без тех форм, в которых вина проявляется), т.е. субъективная сторона, и субъект преступления изымаются для изучения из рамок состава. Что же остается в составе? Один объект.

⁸⁶ Трайнин А.Н. Учение о составе преступления. С. 46.

Ряд ученых полагают, что «выделение в дореволюционном праве так называемого общего состава нельзя признать чем-то предосудительным. Данная уголовно-правовая категория позволила исследовать элементы состава преступления на новом методологическом уровне, исходя из системности и тесной взаимосвязи всех элементов состава преступления. Кроме того, это способствовало развитию многих институтов уголовного права...» (см.: Крылова Н.Е. Дискуссионные вопросы учения о составе преступления // Вестник Московского ун-та. Сер. 11. Право. 2012. № 4. С. 31).

⁸⁷ В современной уголовно-правовой литературе некоторые авторы, исходя из особенностей законодательной конструкции состава преступления, выделяют его усеченный вид, считая, что он имеется тогда, когда из всех возможных этапов развития преступной деятельности им охватываются лишь przygotowительные действия или сам процесс выполнения деяния, направленного на причинение общественно опасных последствий (см., напр.: Уголовное право России. Общая часть / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб., 2006. С. 380).

⁸⁸ Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления // Трайнин А.Н. Избр. труды. С. 51.

⁸⁹ Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. С. 171, 172.

⁹⁰ Объект преступления не признавал элементом состава Я.М. Браинин (см.: Браинин Я.М. Некоторые вопросы учения о составе преступления в советском уголовном праве // Юридический сборник. Киев, 1950. Вып. 4. С. 53).

⁹¹ Я.М. Браинин обосновано отмечает, что «особенностью признаков состава преступлений, как и любых признаков, является то, что они не существуют и не могут существовать вне и независимо от элементов состава преступления; они связаны с последним как свойства предметов с самими предметами» (см.: Браинин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963. С. 134).

⁹² См.: Крылова Н.Е. Указ. соч. С. 33.

Таким образом, фактически ликвидируется изучение общего состава преступления»⁹³.

Отмеченные выше обстоятельства, несомненно, имеют существенное значение, но не они, на наш взгляд, выступают краеугольным камнем учения о составе преступления. Таковыми следует признать доктринальную характеристику двух взаимосвязанных положений: соотношение преступления и состава преступления, а также определение природы последнего. По ним в теории уголовного права до сих пор не выработано единой позиции, хотя «сложившееся в российском уголовном праве учение о составе преступления — это одна из наиболее оптимально разработанных, но, возможно, застывших в своей оптимальности составляющих уголовного права как науки...»⁹⁴.

Одни ученые полагают, что состав преступления есть форма бытия преступления, вне которой оно существовать не может⁹⁵. Другие, основываясь на доктрине немецкой школы уголовного права (Биндинг, Белинг и др.⁹⁶), считают его законодательной моделью преступления⁹⁷. Третьи (Н.Ф. Кузнецова⁹⁸, И.Я. Гонтарь⁹⁹ и др.) — исходят из того, что состав преступления является не только законодательной характеристикой преступления, но и выступает объективной реальностью; этим понятием в теории обозначается как совокупность признаков, характеризующих определенное преступление, так и конкретное деяние, которое соответствует им.

⁹³ Курс советского уголовного права: в 5 т. Т. 1: Часть Общая / отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. Л., 1968. С. 262.

⁹⁴ Уголовное право: в 3 т. Т. 1: Общая часть / под общ. ред. А.Э. Жалинского. М., 2011. С. 349.

⁹⁵ См.: *Брайнин Я.М.* Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. С. 80.

⁹⁶ См. подр.: *Кузнецова Н.Ф., Вельцель Л.* Уголовное право ФРГ. М., 1984.

⁹⁷ А.И. Марцев, например, пишет: «Состав преступления как его правовая форма представляет собой законодательное описание преступления. Если преступление является конкретным актом человеческого поведения, то состав преступления — это чисто правовое явление» (см.: *Марцев А.И.* Состав преступления: структура и виды // Уголовное право. 2005. № 2. С. 47). А.Н. Игнатов и Т.А. Костарева также подчеркивают, что состав преступления «есть законодательное понятие о преступлении, указывающее на те его признаки, которые закреплены в уголовном законе...», состав преступления — абстракция, его законодательная модель, без которой конкретное деяние невозможно признавать преступлением» (см.: *Игнатов А.Н., Костарева Т.А.* Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1966. С. 26, 27).

⁹⁸ См.: Курс уголовного права: в 5 т. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 1999. С. 168–177.

⁹⁹ См.: *Гонтарь И.Я.* Преступление и состав преступления как явления и как понятия в уголовном праве. Владивосток, 1997. С. 97.

Многие криминалисты позицию Трайнина по этому вопросу считали непоследовательной. С одной стороны, состав преступления он признавал объективной реальностью; с другой — считал, что это не что иное, как законодательная характеристика преступления¹⁰⁰.

Как представляется, следует обратить внимание еще на один аспект учения о составе преступления — соотношение диспозиции уголовно-правовой нормы и состава преступления, по которому в теории уголовного права также нет единой точки зрения. А.Н. Трайнин полагал, что «элементами состава являются те признаки, которым закон придает уголовно-правовое значение и поэтому вводит в диспозицию норм Особенной части. Все эти признаки составлены законодателем таким образом, что в совокупности они образуют общественно опасное, наказуемое действие»¹⁰¹. Это утверждение в литературе подверглось критике. В частности, В.Н. Кудрявцев писал: «Состав преступления, как правило, шире текста диспозиции», «состав преступления — гораздо более глубокое понятие, чем диспозиция»¹⁰².

Обобщая сказанное, следует заключить: своими работами А.Н. Трайнин активизировал исследование актуальных проблем советского уголовного права, в частности соучастия и состава преступления.

IV

В начале 1930-х годов ученый обращается к совершенно новой, чрезвычайно актуальной сфере научных исследований — международному уголовному праву, начавшемуся формироваться только после Первой мировой войны, отрасли международного публичного права, регулирующей сотрудничество государств по борьбе с международными преступлениями, их выявлению, расследованию и наказанию. «Крупный правовед, наделенный научной интуицией, он хорошо понимает, какой трагедией для человечества может обернуться победа фашизма в Германии, Италии и Японии»¹⁰³.

Если сформулировать задачу, которую поставил перед собой А.Н. Трайнин как ученый, выделить ее квинтэссенцию, «то она состояла... в том, чтобы всей научной и общественной деятельностью способствовать превращению национального закона

¹⁰⁰ См. об этом подр.: *Крылова Н.Е.* Указ. соч. С. 36.

¹⁰¹ *Трайнин А.Н.* Учение о составе преступления. С. 83.

¹⁰² *Кудрявцев В.Н.* Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963. С. 75, 76.

¹⁰³ *Кузнецова Н.Ф.* Арон Наумович Трайнин. С. 10.

(Декрета о мире¹⁰⁴), провозглашающего агрессию величайшим преступлением, в закон международный, содействовать тому, чтобы идеи декрета стали общепризнанными нормами международного права, чтобы, наконец, уголовный закон стал на защиту мира. А.Н. Трайнин понимал, что в эту титаническую борьбу Советского государства, советского народа свой скромный вклад должна внести и советская юридическая наука»¹⁰⁵.

В 1935 г. А.Н. Трайнин публикует первую монографию из этой серии – «Уголовная интервенция. Движение по унификации уголовного законодательства капиталистических стран»¹⁰⁶, положившую начало фундаментальной разработке в советском уголовном праве понятия международного преступления и ответственности за него. Исследование посвящено анализу возникшего в 1926 г. движения по т.н. унификации уголовного законодательства¹⁰⁷. В работе ученый на основе глубокого научного анализа и бесспорных аргументов показывает его реакционную сущность, раскрывает цели унификаторов – исключить уголовный закон из арсенала средств борьбы за мир. А.Н. Трайнин убедительно доказал, что движение по унификации уголовного законодательства пытается решить совершенно иную задачу, чем декларирует: стремится к координации действий буржуазных стран с коммунистическим движением, с демократией.

Об этом наглядно свидетельствуют стенограммы конференций движения. В начале его работы унификаторов интересовала борьба с военной

агрессией; действия нападающей стороны рассматривались как бесспорные международные преступления, требующие специальных санкций в порядке интернациональной юрисдикции. Более того, высказывались предложения о признании таковым же пропаганды агрессивной войны и т.д. На деле же в этом отношении ничего не было предпринято. На II–V конференциях о военных деликтах даже не упоминали¹⁰⁸.

«Выступая защитниками “интернационализма”, не уставая твердить о цивилизации и культуре, сторонники унификации уголовной репрессии по разным поводам и в разных терминах попутно выдвигают одну весьма поучительную идею. Эта идея заключается в том, что среди международных преступлений существует еще одна особая группа посягательств, международных в особом, так сказать, “квалифицированном”, смысле», – пишет А.Н. Трайнин¹⁰⁹. Для этих преступлений, по мнению унификаторов, характерным выступает то, что они направлены не против той или иной политической формы организации общества и тем более против отдельных лиц, а против самого существа современного цивилизованного государства. На основании этой парадигмы предлагалось координировать усилия отдельных стран, чтобы совместно противодействовать «антикультурной стихии»¹¹⁰.

В монографии «Уголовная интервенция» лежат истоки научной системы преступлений против мира, разработанной А.Н. Трайниным.

В приложении к работе дан проект положения о Международном уголовном трибунале при Постоянной международной судебной палате, единогласно одобренном советом Международной ассоциации уголовного права (19–21 января 1928 г.). Проект охватывает семь глав, посвященных регулированию организации, компетенции и деятельности трибунала. Предполагалось, что полномочия трибунала распространяются на все государства или его подданных при условии, если это государство заявит

¹⁰⁴ Речь идет о Декрете о мире, принятом на II Всероссийском съезде Советов от 28 октября 1917 г. (см.: СУ РСФСР. 1917. № 1).

¹⁰⁵ Арон Наумович Трайнин // Трайнин А.Н. Избр. произв. Защита мира и уголовный закон / под общ. ред. Р.А. Руденко. С. 9.

¹⁰⁶ Трайнин А.Н. Уголовная интервенция. Движение по унификации уголовного законодательства капиталистических стран. М., 1935.

¹⁰⁷ Движение по унификации уголовного законодательства представляло собой самостоятельную структуру, не входящую ни в одну из международных криминалистических организаций. Впервые вопрос об унификации законодательства встал на Брюссельском конгрессе уголовного права в 1926 г. По предложению представителя Румынии проф. Пелла конгресс принял следующую резолюцию: «Считая весьма желательной унификацию основных начал применения репрессии в проектах разных стран путем принятия общепризнанных принципов современной криминологии, учитывая, далее, что многие государства энергично приступили к разработке новых проектов уголовного кодекса, Конгресс постановил, чтобы комиссии по подготовке новых уголовных кодексов, организованные в отдельных странах, собрались на международную конференцию. Эта конференция должна рассмотреть и унифицировать принципы, положенные в основание разрабатываемых проектов уголовных кодексов, вводя туда по возможности общие начала применения репрессии». Первая конференция прошла в 1927 г. в Варшаве.

Об указанном движении подробно см.: Савенков А.Н. Нюрнбергский процесс и развитие международной уголовной юстиции.

¹⁰⁸ О военной агрессии говорил лишь в приветственной речи на IV конференции (1931) проф. Пелла, которым 7 июня 1933 г. был представлен предварительный проект текстов относительно приспособления национальных законов к современной стадии развития международной жизни (см.: Сборник документов по международной политике и международному праву. М., 1934). Взгляды автора, нашедшие рельефное отражение в документе, видны из определения им агрессивной войны. «Агрессивные войны, рассматриваемые в качестве интернациональных преступлений, должны изучаться с точки зрения коллективной психологии... многие интернациональные преступления имеют своим источником агрессивный дух нации, который передается народу из рода в род» (цит. по: Трайнин А.Н. Избр. труды. С. 416).

¹⁰⁹ Там же. С. 420.

¹¹⁰ Следует заметить, что эта идея не нова. Она активно обсуждалась Институтом международного права еще в 1892 г.

о признании им его юрисдикции. Помимо правонарушений, совершенных государствами, и международных правонарушений, которые по своей природе не могут служить основанием для судебного преследования или для наказания по уголовным делам отдельных государств, уголовный трибунал рассматривает также правонарушения, совершенные физическими лицами, от самостоятельного преследования которых государства отказались на основе специальных соглашений:

1) преступления и проступки, совершаемые в мирное время и способные поколебать мирные отношения между государствами, а также деяния, которые в силу обстоятельств их совершения должны быть изъяты из юрисдикции отдельных государств в целях организации более объективного и эффективного преследования по ним;

2) преступления и проступки, совершаемые во время вооруженного международного конфликта, а именно военные международные правонарушения и нарушения всеобщего права, совершаемые войсками на оккупированных территориях.

К сожалению, проект так и не стал действующим международно-правовым актом.

В 1937 г. выходит новое фундаментальное исследование А.Н. Трайнина — «Защита мира и уголовный закон»¹¹¹, лейтмотив которого отражен в самом названии работы. На основе анализа Статута Лиги Наций, Локарнских договоров¹¹² и пакта Бриана—Келлога¹¹³ автор подвергает критическому анализу распространенное в буржуазной литературе мнение о том, что санкции, применяемые Лигой Наций, представляют собой уголовное наказание. Подобное их отождествление в теории и на практике не столь безобидно — оно приводит к пренебрежению национальным законодательством. Если санкции представляют собой меры, осуществляемые в принудительном порядке против государства, прибегнувшего к войне вопреки обязательствам, вытекающим из Статута Лиги¹¹⁴, то уголовное наказание имеет

более сложную природу, предполагающую, как указывает А.Н. Трайнин, характерные элементы (процессуальные и материальные) уголовно-правовой реакции. Во-первых, в рамках ст. 16 Пакта проблема индивидуальной виновности не ставилась и ставиться не могла. Во-вторых, в этой статье нельзя найти даже намека на такие институты уголовного права, как вменяемость, предварительная преступная деятельность, соучастие и т.д. В-третьих, наказание назначается органами правосудия, которые не предусмотрены Пактом. В-четвертых, нет органов, обеспечивающих исполнение приговора суда. «Попытки механически втиснуть сложный клубок дипломатических диверсий, наступлений и отступлений, развертывающихся на основе Пакта Лиги Наций, в русло уголовного правосудия, искажают действительность, искажают острую повседневную борьбу интересов и сил, определяющих всю деятельность Лиги и, в частности и в особенности, обращение Лиги к помощи ст. 16»; «криминализация санкций, применяемых Лигой Наций... не остается нейтральной в этой борьбе..., она играет в ней значительную и совершенно определенную роль, явно клонящуюся... к подрыву системы коллективной безопасности»¹¹⁵.

Ученый подчеркивает, что в системе правовой защиты мира определенная роль принадлежит и уголовному закону, однако реальный путь к достижению этой цели никак не связан с искусственным превращением ст. 16 Пакта Лиги Наций в «уголовный кодекс»¹¹⁶.

В монографии «Защита мира и уголовный закон» А.Н. Трайнин, продолжая разработку проблем преступлений против мира и их системы, определил теоретико-правовые основы учения о субъекте международного преступления, принял успешные попытки сформулировать понятие этого субъекта. В работе много внимания уделено ответственности за пропаганду агрессии. Следует особо отметить, что многие идеи, изложенные

¹¹¹ Трайнин А.Н. Защита мира и уголовный закон / под ред. и с предисл. А.Я. Вышинского. М., 1937.

¹¹² Локарнские договоры охватывают семь соглашений, заключенных в Локарно (Швейцария) с 5 по 16 октября 1925 г. и официально подписанных в Лондоне 1 декабря того же года, которыми западноевропейские союзные державы Первой мировой войны и новые государства Центральной и Восточной Европы стремились обеспечить послевоенное территориальное урегулирование.

¹¹³ Пакт Бриана—Келлога — договор об отказе от войны в качестве орудия внешней политики (Париж, 27 августа 1928 г.), получил название по имени министра иностранных дел Франции Аристиды Бриана и госсекретаря США Фрэнка Келлога.

¹¹⁴ Д. Борисов, характеризуя понятие санкций, пишет: «Ст. 16 Пакта совершенно отчетливо предусматривает применение против агрессора всей совокупности экономических и финансовых санкций с тем, что за ними должны следовать

военные санкции. Между тем в своем стремлении всячески ограничить применение ст. 16 и эффективность системы санкций комментаторы Лиги стали на путь ступенчатости и постепенности применения санкций. Этот метод был применен в итало-абиссинском конфликте и привел к тому, что итальянская агрессия приняла затяжной характер. Между тем автоматическое применение совокупности экономических и финансовых санкций могло бы положить конец агрессии в самом начале» (см.: Борисов Д. Санкции. М.: Л., 1936. С. 41). Автоматизм предполагает немедленную и непосредственную реакцию членов Лиги на военную агрессию.

¹¹⁵ Трайнин А.Н. Защита мира и уголовный закон / под ред. и с предисл. А.Я. Вышинского. С. 90, 94.

¹¹⁶ «Главная задача уголовного права, — отмечает в 1930 г. в докладе Пражскому пенитенциарному конгрессу английский проф. Сэйр, — не в том, чтобы регулировать индивидуальные права, а в том, чтобы оградить публичную безопасность в интересах общества» (цит. по: там же. С. 136).

в монографии, были использованы при разработке в 1945 г. проекта Устава Военного трибунала.

В статьях, опубликованных в 1944–1945 гг., раскрывается талант А. Н. Трайнина как яркого публициста, умело сочетающего научность публикаций с их доступностью для восприятия, пользующегося яркими, запоминающимися сравнениями и метафорами¹¹⁷. Выходят в свет публикации «Версальский мир и ответственность за преступления войны 1914–1918 гг.»¹¹⁸, «Гитлеровская система государственного бандитизма»¹¹⁹; первая из них посвящена вопросам уголовной ответственности за преступления, совершенные Вильгельмом II и его соратниками¹²⁰; вторая – грабежам, убийствам и истязаниям, ставшими государственной программой фашистской Германии по истреблению народов и народных богатств¹²¹.

В статье «Уголовная ответственность за гитлеровские злодеяния»¹²² А. Н. Трайнин вновь возвращается к проблеме ответственности за военные преступления¹²³.

Статья «Дорога злодейства»¹²⁴ содержит описание зверств гитлеровцев, от которых стынет кровь; гитлеровские злодеяния, совершенные на территории

¹¹⁷ Эти статьи приведены в: *Трайнин А. Н.* Избр. произв.: Защита мира и уголовный закон / под общ. ред. Р. А. Руденко. С. 148–190.

¹¹⁸ *Трайнин А. Н.* Избр. труды. С. 552–554.

¹¹⁹ Там же. С. 555–557.

¹²⁰ Отказом Голландии выдать Вильгельма II был исчерпан вопрос об уголовной ответственности главы германского государства.

¹²¹ В этом отношении примечательна т. н. зеленая папка Геринга (план Ольденбург) – сжатый курс теории и практики государственного бандитизма (см.: Великая Отечественная война. 1941–1945: энциклопедия. М., 1985. С. 511). В Памятке для ведения хозяйства в завоеванных восточных районах с неприкрытым цинизмом утверждалось: «Завоеванные восточные области являются германской хозяйственной территорией. Земля, весь живой и мертвый инвентарь... являются собственностью германского государства» (см.: История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945: в 6 т. М., 1960. Т. 1. С. 360).

¹²² *Трайнин А. Н.* Избр. труды. С. 558–564.

¹²³ Автор пишет: «Государство нельзя посадить на скамью подсудимых, государство нельзя сослать или выслать. Ни одно из начал уголовного правосудия неосуществимо, если пытаться передать суду такую сложную, своеобразную и многомиллионную фигуру, каким является современное государство... Необходимо установить, что уголовную ответственность за преступные действия должны нести те конкретные лица, которые от имени государства и по его полномочию действуют. Это положение в полной мере соответствует и основным принципам уголовного правосудия, ибо здесь речь вовсе не идет о переложении ответственности с государства на его представителей: уголовная ответственность здесь, как везде и всегда, неперелагаема. Здесь конкретные лица отвечают за себя, за свои преступные действия, совершенные именем государства» (см.: там же).

¹²⁴ *Трайнин А. Н.* Дорога злодейства // Октябрь. 1943. № 6–7. С. 170–175.

СССР и ряда других стран, безмерны и чудовищны. Гитлер решился на истребительный, смертоносный поход против народов и наций. Жертвы гитлеровской агрессии неисчислимы. «Но гитлеровская агрессия, – отмечает А. Н. Трайнин, – не только самая кровавая: она самая подлая агрессия в мире».

Две статьи – «Стратегия террора»¹²⁵ и «Стратегия “милосердия”»¹²⁶, – по сути, посвящены одному вопросу: разным формам террора, осуществлявшегося гитлеровской кликой, и их оправданию. «Для того чтобы стимулировать совершение казней, Гиммлер предписывал ежедневно докладывать о количестве расстрелянных жертв. В этих приказах – политическая программа фашистских захватчиков; они желали одного: чтобы население трепетало перед их ненасытной кровожадностью. Именно такая война, – подчеркивает А. Н. Трайнин, – по замыслу гитлеровских стратегов, и должна была обеспечить Германии молниеносную победу».

Во второй статье показаны действия клеветников фашистов, взывающих к милосердию по отношению к военным преступникам. Они не против суда, но одни из них в качестве такового видят суд Божий; другие – суд истории. Однако тех и других объединяет одно: они боятся «суда человеческого», и в первую очередь из-за его неотвратимой реальности и нарастающей близости. Как замечает А. Н. Трайнин, попытки умалить роль правосудия предпринимаются даже представителями международных организаций, которые по своему предназначению должны были всячески поддерживать проведение судебного процесса над главными военными преступниками. Так, председатель Комиссии ООН по расследованию военных преступлений сэра Сесил Хёрст заявил, что «имеется большое количество недоразумений и неясностей по вопросу о военных преступниках». А. Н. Трайнин, парируя это утверждение, заявляет: «наоборот, прежде всего, необходимо указать, что имеется неисчислимо количество точно установленных преступлений войны и множество имен виновников этих преступлений».

Мировоззрение Хёрста хорошо иллюстрирует приведенный автором статьи эпизод. Хёрсту был задан вопрос: «Включен ли Гитлер в список военных преступников?». Ответ оказался разительным: «Вынужден отказаться отвечать на вопросы относительно отдельных военных преступников».

В статье «Стратегия “милосердия”» А. Н. Трайнин разоблачает план Хёрста по расследованию и судебному рассмотрению дела о военных

¹²⁵ *Трайнин А. Н.* Стратегия террора (Разрушение гитлеровцами международного правопорядка) // Известия. 1945. 17 янв.

¹²⁶ *Трайнин А. Н.* Стратегия «милосердия» // Война и рабочий класс. 1944. № 19. С. 14–17.

преступлениях, совершенных Гитлером и его кликой. Главное в этом плане — расследование должно быть проведено не специально образованной комиссией, а правительствами отдельных стран. И диаметрально противоположное предложение — правом требования выдачи преступников должны обладать не отдельные государства, а Комиссия Объединенных Наций.

В заключение А. Н. Трайнин делает вывод, характеризующийся объективной и глубокой оценкой как сути проблемы военных преступлений, совершенных в годы Великой Отечественной войны фашистской Германией и ее сателлитами, так и необходимости суда народов над преступниками: «Стратегия “милосердия” — не проблема этики, даже не проблема суда и наказания; это прежде всего военно-политическая проблема. Стратегия “милосердия” — лишь одно из звеньев кампании за снисходительный мир, начатой гитлеровцами и кое-какими кругами, поддерживающими их. Поэтому проповедь милосердия к палачам — это проповедь компромиссного мира, проповедь сохранения в Германии очага будущих войн и злодеяства».

В Декларации об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства, принятая руководителями СССР, США и Великобритании 2 ноября 1943 г., говорится, что виновные в злодеяниях «будут отосланы в страны, в которых были совершены их отвратительные действия, для того, чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобожденных стран и свободных правительств, которые будут там созданы»¹²⁷. Это обстоятельство недвусмысленно определило процессуальные аспекты суда над военными преступниками, в частности подсудности уголовных дел, но оставался ряд материально-правовых проблем, которые активно использовались защитниками лиц, совершивших сотни страшных злодеяний¹²⁸. Например, встал вопрос о возможности привлечения к уголовной ответственности военнопленных, совершивших преступления во время войны. Довод противников, по сути, сводился

к одному: военнослужащие выполняли приказы своего начальства.

В статье «Об уголовной ответственности гитлеровских преступников»¹²⁹ А. Н. Трайнин дает им гневную отповедь. «Приказ — это спасительный “дзот”, который должен укрыть преступника в суровый час возмездия. Таким образом, оказывается, можно потерять счет замученным и убитым, можно расстреливать, как дичь, людей, можно сжигать госпитали с ранеными, совершать тысячи других злодеяний и не бояться ответственности, не страшится кары — был бы в кармане приказ! Такова “линия” обороны пойманных гитлеровских преступников. Но международному праву и советскому закону одинаково претят эти трусливые попытки бумажкой приказа прикрыть горы истерзанных жертв».

В серии газетно-журнальных публикаций представляют интерес и такие статьи А. Н. Трайнина, как «Бесчеловечный гуманизм»¹³⁰, «Час настал»¹³¹ и др.

V

Особую серию образуют статьи А. Н. Трайнина 1945–1946 гг., объединенные в литературе под общим названием «Нюрнбергский процесс»¹³². «Советский ученый был глубоко убежден в том, что успех Нюрнбергского процесса в немалой степени будет зависеть и от того, насколько широко удастся информировать народы о его материалах, о деятельности Трибунала. Поэтому, находясь в Нюрнберге, А. Н. Трайнин пишет в советские газеты и журналы серию статей о процессе. Политическая страстность, глубокая ненависть к фашизму и любовь к своей Родине и миру, выраженные ярким и образным языком, — вот что характеризует публицистические выступления А. Н. Трайнина о Нюрнбергском процессе. Он был пионером в разработке важнейших научных проблем ответственности за международные преступления, он был и в первых рядах тех, кто сумел в популярной для широких народных масс форме донести всю важность этих проблем»¹³³.

Открывает указанный цикл статья «В Нюрнберге», содержащая описание города накануне судебного процесса, в котором с 1927 г. проводились Имперские партийные съезды (съезды НСДАП),

¹²⁷ Внешняя политика СССР / отв. ред. С. А. Лозовский. М., 1947. Т. V. С. 321.

¹²⁸ Кстати, в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 19.04.1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников» (см.: СПС «КонсультантПлюс») проблема ответственности военнопленных была разрешена; за совершенные преступления они несли ответственность на общих основаниях, как и другие военные преступники.

Судебная практика, как зарубежная, так и российская, признавала военнопленных субъектами военных преступлений. В частности, в этом отношении показателен Харьковский процесс 15–18 декабря 1943 г. (см. подр.: Савенков А. Н. Нюрнберг: Приговор во имя Мира. С. 367–374).

¹²⁹ Трайнин А. Н. Об уголовной ответственности гитлеровских преступников // Война и рабочий класс. 1944. № 1. С. 19–21.

¹³⁰ Трайнин А. Н. Бесчеловечный гуманизм // Там же. № 9. С. 16–18.

¹³¹ Трайнин А. Час настал // Красная звезда. 1945. 17 мая.

¹³² Трайнин А. Н. Нюрнбергский процесс: сб. ст. М., 1946.

¹³³ Арон Наумович Трайнин // Трайнин А. Н. Избр. произв. Защита мира и уголовный закон / под общ. ред. Р. А. Руденко. С. 12.

призванные продемонстрировать всему миру величие германской нации. В 1945 г. Нюрнберг представлял собой полутемный, полуразрушенный город побежденных.

Автор подробно описывает организационные аспекты деятельности Международного военного трибунала, библиотеку, в трех больших комнатах которой была собрана вся законодательная и «литературная» продукция гитлеровской Германии, каждая страница которой изобличает военных преступников, призванных к ответу за свои злодеяния¹³⁴.

Характеристике структуры, состава и деятельности Нюрнбергского трибунала посвящены также статьи А. Н. Трайнина «Международный военный трибунал», «На Нюрнбергском процессе» и «Этапы Нюрнбергского процесса». В первой из них автором подробно освещен Устав МВТ; во второй – Трибунал представлен не просто как суд в международном масштабе, но и как своеобразно построенный суд. Это своеобразие многогранно, оно проявляется, пожалуй, в каждом процессуальном действии Трибунала, например даче свидетелем показаний по опросному листу, составленному, как правило, защитником; участие в процессе защитников организаций и др. В третьей статье говорится о процессуальной регламентации деятельности Трибунала.

Два принципиальных вопроса ставит ученый в статье «Преступники войны будут наказаны»: определение круга «преступлений войны» и субъекта их совершения.

В. П. фон Эгерт, характеризуя преступные действия немцев и австрийцев во время войны 1914–1918 гг., пишет: «Весь мир поражен тем способом ведения войны, с которым выступила и которого продолжает придерживаться Германия, потянувшая за собой в том же направлении... и Австрию»¹³⁵. При определении круга военных преступлений автор предлагает исходить из перечня деяний, установленных в Женевской конвенции 1864 г., Санкт-Петербургской декларации 1868 г.,

¹³⁴ «Нюрнберг, – пишет А. Н. Трайнин, – старинный город. У него большое историческое прошлое... Но Нюрнберг “Третьей империи”... – это центр, в котором методически подготовлялся кровавый заговор против всего человечества. Самые отвратительные законы, изданные гитлеровской Германией, носят название нюрнбергских законов» (см.: *Трайнин А. Н. Нюрнбергский процесс*: сб. ст.).

¹³⁵ *Эгерт В. П. фон* Чрезвычайная следственная комиссия о преступных действиях неприятеля в войну 1914 – ... гг. Пг., 1914. С. 5.

О злодеяниях немцев во время Первой мировой войны подробно см.: *Документы о немецких зверствах в 1914–1918 гг.* М., 1942.

Гаагской конвенции 1907 г. и Лондонской декларации 1909 г.¹³⁶

Злодеяния гитлеровцев в годы Великой Отечественной войны, по мнению А. Н. Трайнина, охватывают две группы преступлений: в первую входят посягательства на мирные отношения между народами – агрессия, организация «пятых колонн», террористические акты с целью провокации международных конфликтов и др. Вторую группу образуют деяния, нарушающие законы и обычаи войны: убийство мирных граждан, военнопленных, организация рабско-крепостнического труда и т. д.

«Уголовное правосудие, – пишет А. Н. Трайнин, – проникнуто принципом индивидуальной ответственности. Такой принцип обязывает и среди обширной массы преступников войны различать отдельные группы по степени их социальной опасности и масштабам совершенных ими злодеяний». Исходя из этого, автор выделяет две категории преступников:

1) основная группа: лица, начавшую войну и превратившие ее в орудие истребления и ограбления народов (Гитлер, Гиммлер, Геббельс, Геринг, Риббентроп, Папен и др.); ставленники Гитлера на местах (гаулейтеры, руководители фашистских партий, высшее военное командование, гестаповцы и эсэсовцы).

К этой же группе ученый предлагал отнести финансовых и промышленных магнатов, которые в течение ряда лет участвовали в подготовке военной агрессии, в организации разрушений и ограблений временно оккупированных стран;

2) центральная группа: лица, возглавлявшие и определявшие политику стран-сателлитов (Антонеску и др.).

В статье «Искатели “юридических щелей”» А. Н. Трайнин дает ответ защитнику Геринга Штаммеру¹³⁷, обратившемуся от имени всех адвокатов, участвующих в процессе, с письменным заявлением о том, что на момент судебного разбирательства не существует закона, на основании которого Трибунал мог бы судить главных военных преступников.

В связи с этим А. Н. Трайнин отмечает: «В сфере международных отношений не существовало, да и не может существовать законодательных инстанций, компетентных издавать законы для всех

¹³⁶ См.: *Эгерт В. П. фон* Указ. соч. С. 11–14.

Комиссия 1919 г., образованная для изучения преступлений, совершенных немцами в войне 1914–1918 гг., выделяла 32 вида «преступлений войны» (см. подр.: *Трайнин А. Н. Избр. труды*. С. 607).

¹³⁷ Выступление Штаммера см.: *Нюрнбергский процесс*: сб. документов: в 8 т. М., 1999. Т. 8. С. 49.

государств. Режим международных отношений по-коится на совершенно иных политических и правовых отношениях. В международной сфере основным источником права служит договор. Именно поэтому соглашение об учреждении Международного военного трибунала и его устав приобретают особое значение: здесь впервые в международном акте определены порядок международного суда и составы международных преступлений».

Второй довод, использовавшийся защитниками подсудимых на Нюрнбергском процессе, относился к составу Трибунала. По их мнению, следовало организовать суд из представителей нейтральных стран, а не государств, представляющих лишь одну из воюющих сторон. Государства-победители создали юридическую организацию и нормы уголовного закона и сами же выступают в качестве прокуроров и судей.

Предложение пригласить во имя справедливости судьями нейтральные страны, с точки зрения А. Н. Трайнина, нелепо и цинично. По сути, оно вольно или невольно создает впечатление о том, что среди граждан СССР, Америки, Англии и Франции нет заслуживающих доверия судей. Таким образом Советскому Союзу, ценой огромных жертв обеспечившему победу над фашистской Германией и ее сателлитами, пытались воспрепятствовать в осуществлении правосудия над военными преступниками, творившими злодеяния на временно оккупированных территориях.

Вопросам защиты посвящена и статья ученого «Защита, ее свидетели и документы». Заметим, что адвокаты были наделены достаточно широкими полномочиями в процессе. Во-первых, Устав МВТ содержит специальный разд. IV, посвященный процессуальным гарантиям подсудимых. Во-вторых, Трибунал принимал все меры, чтобы уставные положения нашли полное воплощение в ходе рассмотрения дела о главных военных преступниках. Однако защита достаточно часто нарушала Устав. Особенно наглядно проявилось это на стадии представления ею доказательств. А. Н. Трайнин приводит пример с допросом свидетеля Боденшатца, вызванного в суд по ходатайству защитника Геринга Штаммером. Во время перекрестного допроса, который вел главный обвинитель от США Джексон, выяснилось, что перед этим адвокат его несколько раз консультировал. Более того, он составил перечень вопросов, которые будут заданы Боденшатцу на судебном заседании. У последнего, как он подтвердил в суде, были время и возможность подготовиться к ним¹³⁸. «Таким образом... была проведена своеобразная генеральная репетиция

судебного допроса, — пишет А. Н. Трайнин, — защитник до суда ставил Боденшатцу вопросы, свидетель заготовил письменные ответы и пользовался ими на суде при ответах защитнику».

Другой пример поражает цинизмом защитника СС, ходатайствовавшего о приобщении к делу еженедельника «Черные корпуса». «Требуемый документ, — утверждал адвокат, — необходим для того, чтобы доказать, что организация СС проводила последовательную и систематическую пропаганду идеализма». Как согласуется подобное утверждение с миллионами замученных жертв, защитник, разумеется, обошел стороной¹³⁹.

Вопросам защиты посвящена и статья ученого «Речи защитников». Выступления адвокатов, вероятно, можно свести в две группы. В одних речах проявилось понимание той кровавой трагедии, которая именем германского государства и силами немецкого народа была организована и осуществлена главными военными преступниками. Так, защитник Зейсс-Инкварт Штейнбауэр отмечал, что на Нюрнбергском процессе были вскрыты факты, свидетельствующие о такой бездне падения, что нормальному человеку невозможно представить, «при обсуждении о вине германского народа нельзя будет говорить о коллективной вине или соучастии германского народа в преступлениях, а речь может идти лишь о коллективном позоре, так как люди, под руководством которых совершались возмутительные преступления, были немцами»¹⁴⁰.

Адвокат Людингхаузен продемонстрировал понимание задач, стоящих перед международной уголовной юстицией.

Однако совершенно иными были речи защитников Штаммера, Серватиуса, Заутера и др., стремившихся оправдать своих подзащитных. Так, защитник Редера Зиммерс ничтоже сумняшеся

¹³⁹ Яркий пример позиции адвокатов на процессе — допрос 22 февраля 1946 г. директора Государственного Эрмитажа акад. И. А. Орбели, о котором ходатайствовал помощник главного обвинителя от СССР М. Ю. Рагинский. Предполагалось, что Орбели представит Трибуналу масштаб тех разрушений и разграблений культурных ценностей, которые осуществили фашисты за годы блокады Ленинграда. Против допроса свидетеля выступил адвокат Серватиус, защищавший подсудимого Заукеля. Его довод обескураживает: Ленинград не был оккупирован немецкой армией, поэтому нет смысла заслушивать свидетеля.

И. А. Орбели, находясь во время блокады в городе, лично наблюдал бомбежки и артиллерийские обстрелы Эрмитажа, Зимнего дворца, Казанского собора, Петергофа и других памятников архитектуры. Все попытки защитников Латернера и Серватиуса опорочить свидетеля провалились (см.: Стенограмма заседания Международного военного трибунала // Нюрнбергский процесс: сб. материалов: в 8 т. М., 1990. Т. 4. С. 76; см. об этом также: *Полторак А. И.* Нюрнбергский эпизод. М., 1965).

¹⁴⁰ Нюрнбергский процесс: сб. материалов: в 8 т. М., 1991. Т. 5. С. 840.

¹³⁸ См.: Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 8 марта 1946 г. // Нюрнбергский процесс: сб. материалов: в 8 т. М., 1989. Т. 3. С. 115.

заявил: «Человек, который верит в Бога, не может совершить преступление, а солдат, который верит в Бога, не может быть военным преступником»¹⁴¹.

А.Н. Трайнин делает однозначный вывод: «на приговор Международного военного трибунала не повлияют эти беспомощные потуги отвести правосудие в сторону от суровой правды. Но тем не менее речи защиты на Нюрнбергском процессе не могут не вызвать беспокойства. Нюрнбергские адвокаты — представители немецкой интеллигенции. Они знакомы со всеми документами. Перед ними прошла во всей полноте картина страшных преступлений, совершенных их подзащитными... И если они в своих речах выступают с нацистских позиций, если они не видят состава преступления в делах гитлеровских палачей — это плохой признак. Он свидетельствует о том, что в определенных кругах германской интеллигенции еще гнездятся остатки воззрений, которые навлекли величайшие бедствия на весь мир, а саму Германию довели до катастрофы».

Речи главного обвинителя от СССР Р.А. Руденко посвящена статья А.Н. Трайнина «Счет воли и совести народов». «Это была речь, подведшая яркий и четкий итог содержательным выступлениям всех главных обвинителей. Все, что прошло перед Международным трибуналом в Нюрнберге: политические принципы, правовые проблемы и фактические материалы, — нашло отражение в речи...».

¹⁴¹ Нюрнбергский процесс: сб. материалов: в 8 т. Т. 8. С. 217.

Кстати, тактика защиты самих подсудимых была достаточно примитивной. Так, Геринг заявил: «Я не хотел войны и не способствовал ее развязыванию. Я делал все, чтобы предотвратить ее» (см.: там же. Т. 3. С. 265); Розенберг утверждал: «Я выступал не за то, чтобы уничтожить культуру и подавлять национальные чувства народов Восточной Европы, я боролся за улучшение физических и духовных условий их существования» (см.: там же. М., 1997. Т. 7. С. 278); Шахт высказывал претензии Трибуналу за то, что его не признали пацифистом: «Чувство справедливости во мне глубоко оскорблено...» (см.: там же. С. 284); Заукель пытался убедить Трибунал в том, что «в душе и мыслях своих я остался моряком и рабочим... Я не мог быть никем иным, как социалистом» (см.: там же. С. 290); Штрейхер настаивал на том, что он «требовал создания еврейского государства» (см.: там же. С. 300).

Другая группа подсудимых пыталась использовать более изощренные методы защиты. Например, Шпеер делал экскурсии в историю развития военной техники (см.: там же. С. 301); Риббентроп выступал с прогнозами: «Сегодня для Европы и мира осталась одна проблема — овладеет Азия Европой или западные державы смогут ликвидировать влияние Советов на Эльбе, на Адриатическом побережье и в районе Дарданелл. Другими словами, Великобритания и США сегодня практически стоят перед той же дилеммой, что и Германия...» (см.: там же. С. 270, 271).

Оценивая высказывания этих и других подсудимых, А.Н. Трайнин замечает: «Нюрнбергский процесс вскрыл политический механизм фашистского режима, режима террора и лжи. Последнее слово подсудимых завершило разоблачение».

Но не только это прозвучало в выступлении Р.А. Руденко¹⁴². Нюрнбергский процесс выдвинул ряд общих политических и правовых проблем. Во-первых, впервые в истории перед судом предстали преступники, завладевшие целым государством и само государство сделавшие орудием совершения преступлений. Во-вторых, в их лице Трибунал судит созданные ими преступные учреждения и организации, распространяемые ими членоконенавистнические теории и идеи.

В своей речи Р.А. Руденко ответил и на один из наиболее острых вопросов, к которому часто обращались защитники подсудимых, — компетенции Международного военного трибунала. «В сфере интернациональной заключенный между государствами договор есть безусловное достаточное законное основание для осуществления и деятельности созданных этими государствами органов интернациональной юстиции...»¹⁴³.

А.Н. Трайнин считал, что речь советского обвинителя войдет в историю как призыв к борьбе с разрушительными силами фашистской реакции, как великий призыв к свободе и мирному сотрудничеству наций. Интуиция ученого не обманула его.

В соответствии со ст. 9 Устава в обвинительном акте был поставлен вопрос о признании Трибуналом преступными организации, в которые входили главные военные преступники: правительство фашистской Германии, генеральный штаб и высшее командование германских вооруженных сил, руководящий состав германской национал-социалистической партии, государственную тайную полицию (гестапо), охранные отряды германской национал-социалистической партии (СС), отряды безопасности (СД) и штурмовые отряды. В статье «Преступные организации гитлеризма» А.Н. Трайнин затрагивает два взаимно увязанных вопроса: значение подобного решения Трибунала, в том числе и для международного уголовного права, и практические последствия признания ряда организаций преступными. «На Нюрнбергском процессе речь идет вовсе не об установлении уголовной ответственности организаций, — пишет автор, — вопросов о наказании организации Трибунал не ставит и не решает... Трибунал вправе признать организацию преступной не для того, чтобы ее наказать, а лишь для того, чтобы обеспечить национальным судам право привлекать отдельных лиц за принадлежность к таким организациям, признанным преступными». Таким образом, Устав МВТ не затрагивает принцип, согласно которому уголовной ответственности подлежат конкретные руководители и участники преступных организаций.

¹⁴² См. об этом: там же. М., 1987. Т. 1. С. 459.

¹⁴³ Там же. С. 460.

В статье «Приговор истории»¹⁴⁴ А. Н. Трайнин отмечает, что воля народов нашла свое выражение в Уставе МВТ, воля Трибунала — в его Приговоре. Последний обращен не только к прошлому, он направлен и в будущее, выступая наглядным предостережением для тех, кто вынашивает идеи новой войны.

Следует сказать, что с большим интересом читаются и другие статьи из цикла «Нюрнбергский процесс»: «Тараканы», «Профессия палачей», «Заговорщики», «Неостывающие чувства», «Процесс замедленного действия», «Первые итоги», «Механизм фашистского заговора». Статьи «Поучительные цифры (Немцы о Нюрнбергском процессе)», «У последней черты» и «После приговора. Общее мнение» как бы подводят своеобразный итог публицистических выступлений А. Н. Трайнина.

VI

Во время Великой Отечественной войны А. Н. Трайнин активно исследует проблемы международной уголовно-правовой ответственности¹⁴⁵. Заметим, что международное уголовное право в это время переживало стадию становления, многие вопросы его предмета в литературе вообще не были представлены. Все проблемы сводились, по сути, к одной — подсудности уголовных дел. Причем такая ситуация складывалась не только в российском праве, но и за рубежом. Некоторые авторы к предмету международного права относили помимо подсудности экстрадицию¹⁴⁶, а также взаимную помощь в борьбе с общеуголовной преступностью¹⁴⁷.

К вопросам международного уголовного права в 1910 г. обращались две крупнейшие международные ассоциации того времени: Международный союз криминалистов в Брюсселе и Международный пенитенциарный конгресс в Вашингтоне. Однако и они ограничились лишь указанными

вопросами, добавив к ним еще один процессуальный аспект — силу приговора¹⁴⁸.

Проблемы международного уголовного права затрагивались движением унификации уголовного законодательства, но они относились к частным моментам, например борьбе с терроризмом.

Основные же составляющие предмет международного уголовного права — понятие международного преступления и субъекта, наказуемости таких деяний и др. — в работах не рассматривались. Для А. Н. Трайнина исследование указанных проблем явилось своеобразным продолжением его предыдущих работ — «Уголовная интервенция. Движение по унификации уголовного законодательства капиталистических стран» и «Защита мира и уголовный закон». В монографии «Уголовная ответственность гитлеровцев», судя по ее названию, не претендующей на общетеоретическую разработку международного уголовного права, представлены хотя и взаимосвязанные, но относительно самостоятельные срезы проблемы: во-первых, разработка понятий международного преступления, системы этих деяний, субъекта международного преступления, соучастия в данных посягательствах и др.; во-вторых, глубокий анализ преступлений гитлеровцев против мира.

Характеризуя международное преступление, А. Н. Трайнин пишет: «Международное преступление... является посягательством на *связь* между государствами, между народами, на *связь*, составляющую основу отношений между нациями и странами... Международное преступление, следовательно, должно быть определено как *посягательство на основы международного общения*»¹⁴⁹.

Все международные преступления ученым интегрированы в две группы. Первая группа охватывает посягательства на мирные отношения между народами: 1) агрессивные действия; 2) пропаганда

¹⁴⁸ См.: *Люблинский П. И.* Международные съезды по вопросам уголовного права за десять лет (1905—1915). М., 2014. С. 94, 226.

¹⁴⁹ *Трайнин А. Н.* Уголовная ответственность гитлеровцев. С. 30, 31.

В современной литературе утверждается, что международное преступление есть посягательство «на международную безопасность, мировой правопорядок и его отдельные сферы, признанное в результате согласования волеизъявлений суверенных государств противоправным, подлежащим уголовному наказанию» (см.: *Спиридонов А. П., Бабурин В. В.* Виды преступлений в международном уголовном праве // Науч. вестник Омской академии МВД России. 2012. № 2 (45). С. 3); «преступление в международном уголовном праве можно определить как нарушающее мировой правопорядок, виновно совершенное лицом деяние, противоправность которого и ответственность за которое установлены в международном уголовном праве» (см.: *Полный курс уголовного права: в 10 т. Т. IX: Преступления против мира и безопасности человечества. Международное уголовное право. Нюрнбергский и Токийский трибуналы / под ред. А. И. Коробеева.* СПб., 2021. С. 232).

¹⁴⁴ Обстоятельную характеристику Приговора Международного военного трибунала см.: *Савенков А. Н.* Нюрнберг: Приговор во имя Мира. С. 358—367.

¹⁴⁵ См.: *Трайнин А. Н.* Уголовная ответственность гитлеровцев. М., 1944.

¹⁴⁶ Когда в литературе утверждается, что «исторически международное уголовное право уходит своими корнями в далекие рабовладельческие цивилизации», то на самом деле имеется в виду возникновение и становление института выдачи преступника (см.: *Курс уголовного права: в 5 т. Т. 5: Особенная часть / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова.* М., 2001. С. 340; см. об этом подр.: *Панов В. П.* Международное уголовное право. М., 1997).

¹⁴⁷ См. об этом подр.: *Коркунов Н. М.* Конструкция международного уголовного права // *Журнал гражданского и уголовного права.* 1889, янв.; *Штиглиц А. Н.* Исследование о выдаче преступников. СПб., 1882; и др.

агрессии; 3) заключение соглашений с целью агрессии; 4) нарушение договоров, служащих делу мира; 5) провокация в целях нарушения мирных отношений между государствами; 6) терроризм; 7) поддержка вооруженных банд («пятых колонн»).

Ко второй группе отнесены деяния, нарушающие правила войны: 1) посягательства против военнопленных, раненых и больных воинов; 2) посягательства против жизни, здоровья, чести и имущества мирных граждан; 3) разрушение городов и других населенных пунктов; 4) разрушение и ограбление материальных и культурных ценностей¹⁵⁰.

Пожалуй, один из самых сложных – вопрос о субъекте преступления. В трех проектах международного уголовного кодекса, разработанных профессорами Левитом, Салданом и Пелла, в качестве субъекта названо государство. «Защищать такой тезис можно, игнорируя только основные принципы уголовного права и особую политическую природу государства», – замечает А. Н. Трайнин¹⁵¹.

Невозможность привлечения государства к уголовной ответственности, естественно, порождает другой вопрос – о признании субъектом рассматриваемых преступлений физическое лицо. По мнению ученого, за преступные действия, совершенные именем государства или по его уполномочию, должны нести ответственность лица, наделенные государственной властью, ее представители и агенты. В настоящее время это положение признается аксиомой международного уголовного права.

Однако в свое время оно вызывало возражение специалистов по международному праву. Так, отмечалось: «Интернациональным деликтом является всякое от государства исходящее, из международного права проистекающее действие, которое причиняет ущерб правам другого государства»; «действия, которые не государством совершены, международному праву безразличны»¹⁵².

А. Н. Трайнин, отвечая авторам подобных утверждений, эмоционален. Он пишет: «Можно детально не разбирать весьма своеобразную ситуацию, создающуюся в результате подобных рассуждений: государство не может нести уголовную ответственность за международные деликты, потому что только физические лица могут быть субъектами *преступных действий*, а физические лица не должны отвечать за международные деликты по той причине, что только государство – субъект международно-правовых отношений. Но если за тяжчайшие преступления против

международного права и человечества, за вероломную агрессию, за истязание военнопленных, за насилие над мирными гражданами не ответственны ни государство, ни физические лица, то кто же... должен за все это отвечать?»¹⁵³.

По мнению ученого, юридическая и логическая ошибки в приведенных утверждениях, согласно которым только государство несет ответственность за нарушение международного права, заключаются в смешении двух не совпадающих понятий: субъекта международно-правовых отношений и субъекта посягательств на международно-правовые отношения¹⁵⁴.

В отличие от общеуголовных международные преступления совершаются в абсолютном большинстве случаев не одним, а многими лицами. И. П. Блищенко обосновано подчеркивает, что объективно международные преступления представляют собой «сложную и разветвленную деятельность многих лиц», осуществляемую на протяжении ряда лет и даже десятилетий¹⁵⁵.

Соучастники в международных преступлениях весьма своеобразны по социально-правовому статусу. В связи с этим между ними образуется чрезвычайно сложная связь, что обуславливает своеобразие конструкции соучастия в международном уголовном праве.

При характеристике рассматриваемого института А. Н. Трайнин выделяет исключительную правовую ситуацию: основной исполнитель международного преступления действует при помощи лиц, которые сами также выступают в роли исполнителей. «Это необычное... двухступенное исполнение становится возможным вследствие того, что первый, основной исполнитель и использованные им лица являются исполнителями *разных* преступлений: один – исполнитель международного преступления..., другой – исполнитель общеуголовных преступлений»¹⁵⁶.

¹⁵³ Там же. С. 76.

¹⁵⁴ См.: там же. С. 77.

¹⁵⁵ См.: Международное уголовное право: учеб. пособие для вузов / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999. С. 69.

На Нюрнбергском процессе это обстоятельство было отмечено особо: подсудимые «захватили германское государство и превратили его в разбойничье государство, подчинив своим преступным намерениям всю исполнительную мощь государства... Этому содействовали все руководители всех прочих учреждений и оказывали этому поддержку... Ни одно из учреждений не хотело уклониться, так как газовые камеры и уничтожение в целях приобретения жизненного пространства являлись выражением высшей идеи режима, а этим режимом были они сами» (см.: Нюрнбергский процесс: сб. материалов: в 8 т. М., 1988. Т. 2. С. 600).

¹⁵⁶ Трайнин А. Н. Уголовная ответственность гитлеровцев. С. 81.

¹⁵⁰ См.: Трайнин А. Н. Уголовная ответственность гитлеровцев. С. 40.

¹⁵¹ Там же. С. 73.

¹⁵² Цит. по: там же. С. 75.

Соучастие в международных преступлениях, как отмечает ученый, имеет еще одну особенность — в сфере международного уголовного права возникает своеобразная форма идеальной совокупности: одними и теми же действиями совершается несколько преступлений в разных формах соучастия.

По уголовной ответственности гитлеровцев в работе рассматривается ряд вопросов: преступления немцев в Первую мировую войну и Версальский договор; преступления немцев против мира; преступления гитлеровцев, связанные с войной; подсудность дел о гитлеровских преступлениях и ответственность гитлеровцев.

Автором приводятся факты злодеяний фашистов, трудно воспринимаемых человеческим разумом, факты, которые, среди многих, вызывают и такой вопрос: «Неужели это творили люди?». Гитлеровцы для истязания военнопленных наряду с новыми «технологиями» пыток применяли и приемы инквизиции, в частности клеймение военнопленных, о чем наглядно свидетельствует приказ штаба верховного командования вооруженных сил¹⁵⁷.

А. Н. Трайнин приводит инструкцию германского командования об обращении с военнопленными № 1/3058, согласно которой «против малейших признаков непослушания действовать энергично и прямо, оружием пользоваться беспощадно. Употребление палок, тростей и хлыстов не должно иметь места. Мягкотелость даже перед послушным и трудолюбивым пленным доказывает лишь слабость и не должна иметь места»¹⁵⁸.

В работе представлены ужасающие картины преступлений против мирных граждан, разрушение городов, сел и деревень на временно оккупированных территориях.

Подытоживая изложенное, автор считает необходимым, чтобы в будущем международном акте, который определит основание и порядок суда над гитлеровцами, должны быть закреплены следующие положения:

1) безусловная обязанность выдачи виновных в совершении международных преступлений тому государству (либо международному или т.н. смешанному трибуналу), юрисдикции которого данное лицо подлежит, независимо от гражданства обвиняемого;

¹⁵⁷ «1. Советских военнопленных следует метить особым постоянным клеймом. <...>

3. Клеймение не является врачебным мероприятием. Поэтому, а также ввиду нехватки санитарного персонала, не следует нагружать его осуществлением немецкий санитарный персонал» (см.: Правда. 1943. 2 авг.).

¹⁵⁸ Трайнин А. Н. Уголовная ответственность гитлеровцев. С. 52.

2) предоставление права судить выданных лиц за все преступления, установленные следствием и судом, а не только за преступления, указанные в требовании о выдаче¹⁵⁹.

Складывавшаяся и современная ситуация с преследованием нацистских преступников доказывает правомерность предложений ученого.

Положения работы «Уголовная ответственность гитлеровцев» широко «использовались в Московской декларации об уголовной ответственности немецких фашистов и в Уставе Международного трибунала в Нюрнберге и Токио. Книга была оценена как крупный вклад советской науки в борьбе с фашизмом»¹⁶⁰.

Своеобразным итогом двадцатилетних исследований проблем международного уголовного права стало издание в 1956 г. фундаментальной монографии А. Н. Трайнина «Защита мира и борьба с преступлениями против человечества»¹⁶¹, вошедшей в сокровищницу не только российской, но и мировой правовой и политологической литературы.

Монография состоит из двух частей. В первой части рассмотрены общие вопросы преступлений против человечества, представлена дефиниция их понятия. Вторая часть содержит характеристику преступлений, относимых к посягательствам против человечества. «Научная ценность и политическая актуальность второй части работы, как, впрочем, и всей монографии в целом, особенно возрастает сейчас, когда англо-французский империализм совершил агрессию против народов Египта, когда боннские реваншистские круги при прямой поддержке американских реакционеров усиленно восстанавливают вермахт, подавляя элементарные гражданские свободы в стране»¹⁶².

А. Н. Трайнин предпринял успешную попытку ответить на два основных вопроса исследуемой темы: существа и круга международных преступлений, направленных против человечества. При этом он исходил из того, что «понятие преступления против человечества должно быть определено, во-первых, с учетом конкретных исторических фактов, и, во-вторых, оно должно охватить весь круг преступных действий, посягающих на мир и безопасность народов»¹⁶³. В соответствии с этим преступления против человечества им трактуются

¹⁵⁹ См.: там же. С. 102.

¹⁶⁰ Кузнецова Н. Ф. Арон Наумович Трайнин. С. 10.

¹⁶¹ Трайнин А. Н. Защита мира и борьба с преступлениями против человечества. М., 1956.

¹⁶² Пирадов А. С. Книга о защите мира и борьбе с агрессией // Сов. государство и право. 1957. № 2. С. 129.

¹⁶³ Трайнин А. Н. Избр. труды. С. 701.

как посягательства на основы существования и прогрессивного развития народов.

Рассматриваемые деяния, с одной стороны, имеют много общего с иными посягательствами, с другой — обладают существенной спецификой, составляющей особенность преступлений против человечества. В последних (наиболее рельефно проявляются при агрессии или нарушении законов и обычаев войны) выделяется значительная и разнородная группа деяний, объединенных в едином понятии, едином составе преступлений против человечества.

В первый период после окончания Второй мировой войны, отмечает А.Н. Трайнин, классификация Нюрнбергского и Токийского трибуналов, выделявших три группы преступлений против человечества без четкого обозначения отдельных форм деяний против мира, военных преступлений и преступлений против человечности, в известной мере отвечала задаче быстрой организации суда над главными военными преступниками. Однако наука должна устранить имеющиеся недостатки, определив систему преступлений против человечества в полном соответствии с их значением для борьбы за мир на современном историческом этапе.

По мнению ученого, указанная система может быть представлена из трех блоков составляющих ее посягательств. В первый блок включаются преступления против мира — агрессия и ее виды: прямая, косвенная экономическая и идеологическая агрессия. Второй блок охватывает преступления против законов и обычаев войны. В третий блок интегрируются разнородные деяния, направленные на физическое уничтожение целых групп населения по расовым, национальным, религиозным признакам, объединенные общим понятием геноцида¹⁶⁴.

В монографии А.Н. Трайнин вновь возвращается к проблеме субъекта преступлений против человечества. Как и прежде, автор категорически возражает против признания таковым государство. «И теоретические соображения, и опыт Нюрнбергского процесса убедительно свидетельствуют о том, что не только государство, но и другие юридические лица нести уголовную ответственность, быть субъектом преступлений не могут»¹⁶⁵.

Среди ответственных за преступления против человечества он выделяет главных военных преступников и офицеров, солдат, а также членов нацистской партии. В рекомендациях Комиссии ООН по военным преступлениям (просуществовала до 1948 г.) к первым отнесены лица, виновные

в организации преступных сообществ, систематического террора и планового ограбления. Н.Н. Полянский указывал, что «в эпитете “главный” содержится двойное ограничение подсудных Трибуналу преступлений: и по объекту, и по субъекту»¹⁶⁶.

Указанные лица между собой отличаются не только уголовно-правовым, но и уголовно-процессуальным статусом. Главные военные преступники подлежали суду Международного военного трибунала, остальные же — национальным судам по месту совершения преступлений.

В работе автор еще раз обращается к проблеме ответственности военнопленных. Отмечая, что Гагская (1907) и Женевская (1929) конвенции содержат ряд постановлений, определяющих положение военнопленных, ученый пишет: «За участие в войне, за борьбу на поле брани военнопленный, естественно, не несет, не может и не должен нести ответственности, но за нарушение законов и обычаев войны, за истязания и убийства мирных граждан военнопленный несет полную ответственность»¹⁶⁷. Таким образом, делает вывод А.Н. Трайнин, военнопленный может быть признан субъектом преступлений против человечества.

Помимо соучастия (позиция автора осталась неизменной) ученый обращается и к иным специальным вопросам учения о преступлениях против человечества, в частности к стадиям их совершения. Предварительная преступная деятельность применительно к указанным деяниям в юридической литературе представляла, по сути, *tabula rasa*. Между тем «одна из особенностей преступлений против человечества заключается в том, что состав их предполагает не изолированный акт, а систему действий — деятельность, направленную против мира и безопасности человечества. В соответствии с этими особенностями преступлений против человечества по-особому должен решаться вопрос об ответственности за приготовление и покушение на преступление против человечества»¹⁶⁸.

В особых разделах Приговора Нюрнбергского трибунала говорится о подготовке агрессии и планировании агрессии¹⁶⁹. Таким образом, Трибунал

¹⁶⁶ Полянский Н.Н. Международный военный трибунал / под ред. Н.М. Рычкова. М., 1946. С. 16.

¹⁶⁷ Трайнин А.Н. Избр. труды. С. 739.

¹⁶⁸ Там же. С. 745.

¹⁶⁹ Например, в отношении Геринга в Приговоре сказано: «Геринг был часто — почти всегда — движущей силой событий, уступая первое место в этом только фюреру. Он был главным подстрекателем агрессивной войны как в качестве политического, так и военного руководителя»; «он разработал планы разграбления советской территории задолго до начала войны с Советским Союзом» (см.: Савенков А.Н. Нюрнберг: Приговор во имя Мира. С. 555, 556).

¹⁶⁴ Эти три группы деяний выделены и в Приговоре Нюрнбергского трибунала (см.: Савенков А.Н. Нюрнберг: Приговор во имя Мира. С. 433).

¹⁶⁵ Трайнин А.Н. Избр. труды. С. 724.

признал наказуемость предварительной преступной деятельности.

Вторая часть монографии, как отмечалось ранее, содержит учение о видах посягательств против человечества, в ней дана характеристика преступлений против основ мирного сосуществования народов, преступлений против законов и обычаев войны, геноцида. Особое внимание уделено характеристике преступной агрессии, понятие о которой введено в международное право А.Н. Трайниным.

В последней главе этой части показана роль уголовного закона в борьбе с преступлениями против человечества. «То, что ранее еще выступало лишь в качестве политической тенденции, ныне становится историческим фактом: уголовный закон мобилизован для защиты народов от преступлений против человечества», — делает вывод А.Н. Трайнин¹⁷⁰.

* * *

Путь к признанию никогда не бывает легким по определению. Научная и общественная деятельность А.Н. Трайнина еще раз убеждает в этом. Видный теоретик уголовного права, он снискал глубокое уважение не только советской юридической общественности, но и зарубежных коллег. Монография ученого «Защита мира и борьба с преступлениями против человечества» удостоена премии Президиума Академии наук СССР. Современная уголовно-правовая наука в его трудах черпает новые идеи и направления исследований. Следственная и судебная практика в работах А.Н. Трайнина находит ответы на сложные вопросы уголовной ответственности.

Получила признание его общественная деятельность как в СССР, так и в международных юридических сообществах, о чем свидетельствуют многочисленные поощрения, в том числе благодарность Нюрнбергского международного трибунала.

За бескомпромиссное служение науке, вклад ученого в борьбу за мир А.Н. Трайнин удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки РСФСР».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А.Г. А.Н. Трайнин. Уголовное право. Общая часть. Изд-во МГУ. М., 1929. 511 с. // Сов. государство и революция права. 1930. № 1. С. 189, 192.
2. Арон Наумович Трайнин // Трайнин А.Н. Избр. произв. Защита мира и уголовный закон / под общ. ред. Р.А. Руденко. М., 1969. С. 9, 11, 12.
3. Бабий Н.А. Множественность лиц в преступлении и проблемы учения о соучастии. М., 2013. С. 577.
4. Баршев С.И. К учению о покушении. М., 1865.
5. Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев, 1903. С. 205.
6. Белокобыльский Н.Н., Чучаев А.И. Механизм транспортного преступления. Саратов, 1991.
7. Борисов Д. Санкции. М. — Л., 1936. С. 41.
8. Брайнин Я.М. Некоторые вопросы учения о составе преступления в советском уголовном праве // Юридический сборник. Киев, 1950. Вып. 4. С. 53.
9. Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963. С. 80, 134.
10. Великая Отечественная война. 1941—1945: энциклопедия. М., 1985. С. 511.
11. Власьев Н. О вменении по началам теории и древнего русского права. М., 1860. С. 67.
12. Внешняя политика СССР / отв. ред. С.А. Лозовский. М., 1947. Т. V. С. 321.
13. Галиакбаров Р.Р. Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. Краснодар, 2000. С. 16.
14. Гольдинер В. К вопросу о соучастии в советском уголовном праве // Соц. законность. 1939. № 1.
15. Гонтарь И.Я. Преступление и состав преступления как явления и как понятия в уголовном праве. Владивосток, 1997. С. 97.
16. Гришаев П.И., Кригер Г.А. Соучастие по советскому уголовному праву. М., 1959.
17. Дети-преступники / под ред. М.Н. Гернета. М., 1912. С. 545.
18. Документы о немецких зверствах в 1914—1918 гг. М., 1942.
19. Жиряев А.С. О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении. Дерпт, 1850. С. 36.
20. Иванов А.Е., Кулагина И.П. Русская профессура на рубеже XIX—XX веков // Русская история. 2013. № 2. С. 52.
21. Иванов Н.Г. Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве. Саратов, 1991.
22. Иванов Ю.Ф. Московский университет в 1911 г. // Российские университеты в XVIII — начале XX века. Воронеж, 2002. Вып. 6. С. 167.
23. Игнатов А.Н., Костарева Т.А. Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1966. С. 26, 27.
24. Императорский Московский университет. 1755—1917: энциклопедический словарь. М., 2010. С. 666.
25. Исаяев М.М. Уголовное право. Особенная часть. М., 1929. С. 279.
26. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945: в 6 т. М., 1960. Т. 1. С. 360.
27. Ковалев М.И. Соучастие в преступлении // Ученые труды Свердловского юрид. ин-та. Свердловск, 1962. Вып. 2.
28. Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001. С. 68.
29. Колоколов Г.Е. О соучастии в преступлении (о соучастии вообще и подстрекательстве в частности). М., 1881. С. 50, 51.
30. Колоколов Г.Е. К учению о покушении. М., 1884.

¹⁷⁰ Трайнин А.Н. Избр. труды. С. 888.

31. *Коркунов Н.М.* Конструкция международного уголовного права // Журнал гражданского и уголовного права. 1889, янв.
32. *Коробеев А.И., Лун Чанхай.* Философские основы учения о четырехэлементном составе преступления // Современное право. 2010. № 2.
33. *Крылова Н.Е.* Дискуссионные вопросы учения о составе преступления // Вестник Московского ун-та. Сер. 11. Право. 2012. № 4. С. 31, 33, 36.
34. *Кудрявцев В.Н.* Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963. С. 75, 76.
35. *Кузнецова Н.Ф.* Арон Наумович Трайнин // Трайнин А.Н. Избр. труды. СПб., 2004. С. 9, 10, 12.
36. *Кузнецова Н.Ф., Вельцель Л.* Уголовное право ФРГ. М., 1984.
37. Курс советского уголовного права: в 5 т. Т. 1: Часть Общая / отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. Л., 1968. С. 262.
38. Курс уголовного права: в 5 т. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 1999. С. 168–177.
39. Курс уголовного права: в 5 т. Т. 5: Особенная часть / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М., 2001. С. 340.
40. *Лантев А.В.* Состав преступления и квалификация уголовных дел. М., 1939.
41. *Лантев А.* Соучастие по советскому уголовному праву // Сов. юстиция. 1938. № 23–24. С. 13.
42. *Люблинский П.И.* Международные съезды по вопросам уголовного права за десять лет (1905–1915). М., 2014. С. 94, 226.
43. *Марцев А.И.* Состав преступления: структура и виды // Уголовное право. 2005. № 2. С. 47.
44. Международное уголовное право: учеб. пособие для вузов / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999. С. 69.
45. *Немировский Э.Я.* Учебник уголовного права. Общая часть. Одесса, 1919. С. 68.
46. *Нерсисян В.А.* Ответственность за неосторожные преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 214.
47. Нюрнбергский процесс: сб. материалов: в 8 т. М., 1987. Т. 1. С. 459, 460; 1988. Т. 2. С. 600; 1989. Т. 3. С. 115, 265; 1990. Т. 4. С. 76; 1991. Т. 5. С. 840; 1997. Т. 7. С. 270, 271, 278, 284, 290, 300, 301; 1999. Т. 8. С. 49, 217.
48. *Орлов А.Н.* О покушении на преступление по началам науки и современным законодательствам. М., 1868.
49. *Панов В.П.* Международное уголовное право. М., 1997.
50. *Пионтковский А.А.* Советское уголовное право. Особенная часть. М., 1928. С. 279.
51. *Пионтковский А.А., Меньшагин В.Д., Чхиквадзе В.М.* Курс советского уголовного права: в 3 т. Т. 2. Особенная часть. М., 1959. С. 455.
52. *Пирадов А.С.* Книга о защите мира и борьбе с агрессией // Сов. государство и право. 1957. № 2. С. 129.
53. Полный курс уголовного права: в 10 т. Т. III: Уголовная ответственность. Преступление / под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2021. С. 525; Т. IX: Преступления против мира и безопасности человечеств. Международное уголовное право. Нюрнбергский и Токийский трибуналы / под ред. А.И. Коробеева. С. 232.
54. *Полтораки А.И.* Нюрнбергский эпилог. М., 1965.
55. *Полянский Н.Н.* Международный военный трибунал / под ред. Н.М. Рычкова. М., 1946. С. 16.
56. *Пудовочкин Ю.Е.* Концепция соучастия: опыт теоретической разработки и нормативного закрепления // Журнал рос. права. 2018. № 8.
57. *Пусторослев П.П.* Русское уголовное право. Юрьев, 1912. С. 431.
58. *Сабашников М.В.* Записки. Письма. М., 2011.
59. *Савенков А.Н.* Нюрнберг: Приговор во имя Мира. М., 2021. С. 358–374, 555, 556.
60. *Савенков А.Н.* Нюрнбергский процесс и развитие международной уголовной юстиции. М., 2022.
61. Сборник документов по международной политике и международному праву. М., 1934.
62. *Ситникова А.И.* Приготовление к преступлению и покушение на преступление. М., 2006.
63. *Спасович В.Д.* Учебник уголовного права: в 2 т. СПб., 1863. Т. 1. С. 89.
64. *Сперанский М.В.* Возникновение Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского. Историческая справка. М., 1913.
65. *Спиридонов А.П., Бабурин В.В.* Виды преступлений в международном уголовном праве // Науч. вестник Омской академии МВД России. 2012. № 2 (45). С. 3.
66. *Таганцев Н.С.* Курс русского уголовного права. Часть Общая. СПб., 1880. Кн. 1. С. 5; кн. 2. С. 382.
67. *Тельнов П.Ф.* Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1974.
68. *Трайнин А.Н.* Бесчеловечный гуманизм // Война и рабочий класс. 1944. № 9. С. 16–18.
69. *Трайнин А.Н.* Воспоминания о Московском университете // Вестник Московского ун-та. Сер. 11. Право. 1991. № 2. С. 43–45, 58, 59.
70. *Трайнин А.* Движение преступности в Московской губернии за период 1884–1897 гг. *Гуревич С.* Движение преступности против собственности в Нижегородской губернии в 1891–1904 гг. в связи с экономическим положением губернии. М., 1908 (Семинарий по уголовному праву приват-доцента М.Н. Гернета; 1908 г. Вып. 1). С. 3, 13.
71. *Трайнин А.Н.* Детский суд // Провинция. Витебск, 1912. № 14.
72. *Трайнин А.Н.* Должностные и хозяйственные преступления. М., 1938 (Уголовное право. Особенная часть / Всес. ин-т юрид. наук).
73. *Трайнин А.Н.* Дорога злодейства // Октябрь. 1943. № 6–7. С. 170–175.
74. *Трайнин А.Н.* Защита мира и борьба с преступлениями против человечества. М., 1956.
75. *Трайнин А.Н.* Защита мира и уголовный закон / под ред. и с предисл. А.Я. Вышинского. М., 1937. С. 90, 94, 136.
76. *Трайнин А.Н.* Избр. произв. Защита мира и уголовный закон / под общ. ред. Р.А. Руденко. М., 1969. С. 5, 11, 148–190.

77. *Трайнин А.Н.* Избр. труды. СПб., 2004. С. 416, 420, 552–564, 607, 701, 739, 745, 888.
78. *Трайнин А.Н.* Общее учение о составе преступления // *Трайнин А.Н.* Избр. труды. СПб., 2004. С. 51, 185.
79. *Трайнин А.Н.* К вопросу о классовом правосудии // *Революционная законность.* М., 1926. № 7–8. С. 1–3.
80. *Трайнин А.Н.* К характеристике женской преступности // *Вестник права и нотариата.* 1910. 14 апр.
81. *Трайнин А.* Кризис науки уголовного права. Борьба школ вокруг германского проекта угол. кодекса 1925 г. М., 1926.
82. *Трайнин А.Н.* Несостоятельность и банкротство // *Трайнин А.Н.* Избр. труды. СПб., 2004. С. 386, 410, 411.
83. *Трайнин А.* Новейшие течения в классической школе уголовного права // *Право.* Еженедельная юрид. газ. СПб., 1910. 18 июля.
84. *Трайнин А.Н.* Нюрнбергский процесс: сб. ст. М., 1946.
85. *Трайнин А.Н.* Об уголовной ответственности гитлеровских преступников // *Война и рабочий класс.* 1944. № 1. С. 19–21.
86. *Трайнин А.Н.* Общее учение о составе преступления. М., 1957 (гл. 4 «Состав преступления и соучастие»).
87. *Трайнин А.Н.* Общее учение о составе преступления // *Трайнин А.Н.* Избр. труды. СПб., 2004. С. 51, 185.
88. *Трайнин А.Н.* Подсудность суду военного времени по закону 30 июля 1914 г. // *Вестник права и нотариата.* Год 7. № 40 (5 октября 1914 г.).
89. *Трайнин А.* Позитивное направление в уголовном праве // *Право.* Еженедельная юрид. газ. СПб., 1910. 28 марта.
90. *Трайнин А.Н.* Понятие и система преступлений против порядка управления. Самоуправство // *Право и жизнь.* 1925. Кн. 4–5. С. 64–74.
91. *Трайнин А.Н.* Преступность города и деревни. М., 1909.
92. *Трайнин А.Н.* Преступность столиц и городов // *Право.* Еженедельная юрид. газ. СПб., 1908. 30 марта.
93. *Трайнин А.Н.* Система дисциплинарного процесса присяжных поверенных и их помощников. М., 1918.
94. *Трайнин А.Н.* Состав преступления по советскому уголовному праву М., 1951. С. 171, 172.
95. *Трайнин А.Н.* Союзное положение о государственных преступлениях // *Вестник сов. юстиции.* Харьков, 1927. № 9–10.
96. *Трайнин А.* Спор классической и социологической школ о целях наказания // *Новые идеи в правоведении / под ред. Л.И. Петражицкого.* Сб. 1. Цели наказания / сост. П.И. Люблинским. СПб., 1914.
97. *Трайнин А.Н.* Стратегия «милосердия» // *Война и рабочий класс.* 1944. № 19. С. 14–17.
98. *Трайнин А.Н.* Стратегия террора (Разрушение гитлеровцами международного правопорядка) // *Известия.* 1945. 17 янв.
99. *Трайнин А.Н.* Суд коронный и суд присяжных // *Народная энциклопедия научных и прикладных знаний.* Харьков, 1911. Т. XI, п/т. I.
100. *Трайнин А.* Тресты и картели и уголовный закон // *Право.* Еженедельная юрид. газ. СПб., 1908. 14 сент.
101. *Трайнин А.Н.* Уголовная интервенция. Движение по унификации уголовного законодательства капиталистических стран. М., 1935.
102. *Трайнин А.Н.* Уголовная ответственность гитлеровцев. М., 1944. С. 30, 31, 40, 52, 73, 75–77, 81, 102.
103. *Трайнин А.Н.* Уголовное право. Общая часть. М., 1929.
104. *Трайнин А.Н.* Уголовное право РСФСР. Часть Особенная. Преступления против государства и социального порядка / под общ. ред. Д.А. Магеровского. Л., 1925. С. 63; 2-е изд., доп. и перераб. в соответствии с УК ред. 1926 г. и союзным «Положением» 1927 г. М., 1927. С. 104, 105.
105. *Трайнин А.Н.* Учение о составе преступления. М., 1946. С. 5, 43–46, 83.
106. *Трайнин А.Н.* Учение о соучастии. М., 1941. С. 70, 73, 77, 78, 111, 114.
107. *Трайнин А.Н.* Хозяйственные преступления. Текст и комментарий к ст. ст. 126–141 Уголовного кодекса. М., 1925.
108. *Трайнин А.* Час настал // *Красная звезда.* 1945. 17 мая.
109. *Уголовное право: в 3 т. Т. 1: Общая часть / под общ. ред. А.Э. Жалинского.* М., 2011. С. 349.
110. *Уголовное право. История юридической науки / отв. ред. В.Н. Кудрявцев.* М., 1978. С. 17.
111. *Уголовное право. Общая часть / под ред. А.И. Чучаева.* М., 2015. С. 191–195.
112. *Уголовное право России. Общая часть / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова.* СПб., 2006. С. 380.
113. *Уголовное право России. Общая часть / под ред. А.И. Рагога.* М., 2008. С. 218–220.
114. *Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учеб. для вузов / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой.* М., 2012. С. 79, 426.
115. *Уголовное право. Часть Общая.* М., 1938. С. 314.
116. *Филиппов П.А.* Научный вклад членов кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ в развитие ответственности за преступления против порядка управления // *Вестник Московского ун-та. Сер. II. Право.* 2016. № 6. С. 68, 69.
117. *Флетчер Дж., Наумов А.В.* Основные концепции современного уголовного права. М., 1998. С. 471.
118. *Шаргородский М.Д.* Некоторые вопросы общего учения о соучастии // *Правоведение.* 1960. № 1.
119. *Шаргородский М.Д., Красильников М.В.* Рецензия на работу А.Н. Трайнина «Должностные и хозяйственные преступления». Всесоюзный институт юридических наук. Москва, 1938 г. // *Проблемы социалистического права.* Сб. 6. М., 1938. С. 107.
120. *Швеков Г.В.* Преемственность в праве. М., 1983.
121. *Шнейдер М.А.* Соучастие в преступлении по советскому уголовному законодательству. М., 1958; 2-е изд. 1963.
122. *Штиглиц А.Н.* Исследование о выдаче преступников. СПб., 1882.
123. *Эгерт В.П. фон* Чрезвычайная следственная комиссия о преступных действиях неприятеля в войну 1914 – ... гг. Пг., 1914. С. 5, 11–14.
124. *Энциклопедия уголовного права.* СПб., 2007. Т. 6. С. 19.

REFERENCES

1. A.G. A.N. Trainin. Criminal Law. The General part. Publishing House of 1 Moscow State University. M., 1929. 511 pp. // Soviet State and the Revolution of Law. 1930. No. 1. Pp. 189, 192 (in Russ.).
2. Aron Naumovich Trainin // Trainin A.N. Selected works: Protection of peace and Criminal Law / under the general editorship of R.A. Rudenko. M., 1969. Pp. 9, 11, 12 (in Russ.).
3. *Babiy N.A.* Plurality of persons in crime and the problems of the doctrine of complicity. M., 2013. P. 577 (in Russ.).
4. *Barshev S.I.* To the doctrine of assassination. M., 1865 (in Russ.).
5. *Belogrits-Kotlyarevsky L.S.* Textbook of Russian Criminal Law. General and Special parts. Kiev, 1903. P. 205 (in Russ.).
6. *Belokobylsky N.N., Chuchaev A.I.* The mechanism of transport crime. Saratov, 1991 (in Russ.).
7. *Borisov D.* Sanctions. M. – L., 1936. P. 41 (in Russ.).
8. *Brainin Ya. M.* Some questions of the doctrine of the composition of a crime in Soviet Criminal Law // Legal collection. Kiev, 1950. Iss. 4. P. 53 (in Russ.).
9. *Brainin Ya. M.* Criminal liability and its foundation in Soviet Criminal Law. M., 1963. Pp. 80, 134 (in Russ.).
10. The Great Patriotic War. 1941–1945: Encyclopedia. M., 1985. P. 511 (in Russ.).
11. *Vlasev N.* On imputation according to the principles of theory and ancient Russian law. M., 1860. P. 67 (in Russ.).
12. Foreign policy of the USSR / res. ed. S.A. Lozovsky. M., 1947. Vol. V. P. 321 (in Russ.).
13. *Galiakbarov R.R.* The fight against group crimes. Qualification issues. Krasnodar, 2000. P. 16 (in Russ.).
14. *Goldiner V.* On the question of complicity in Soviet Criminal Law // Social legality. 1939. No. 1 (in Russ.).
15. *Gontar I. Ya.* Crime and the corpus delicti as phenomena and as concepts in Criminal Law. Vladivostok, 1997. P. 97 (in Russ.).
16. *Grishaev P.I., Krieger G.A.* Complicity in Soviet Criminal Law. M., 1959 (in Russ.).
17. Child criminals / ed. by M.N. Gernet. M., 1912. P. 545 (in Russ.).
18. Documents on German atrocities in 1914–1918. M., 1942 (in Russ.).
19. *Zhiryaev A.S.* On the confluence of several criminals in the same crime. Dorpat, 1850. P. 36 (in Russ.).
20. *Ivanov A.E., Kulagina I.P.* Russian professorship at the turn of the XIX–XX centuries // Russian History. 2013. No. 2. P. 52 (in Russ.).
21. *Ivanov N.G.* The concept and forms of complicity in Soviet Criminal Law. Saratov, 1991 (in Russ.).
22. *Ivanov Yu. F.* Moscow University in 1911 // Russian universities in the XVIII – early XX centuries. Voronezh, 2002. Iss. 6. P. 167 (in Russ.).
23. *Ignatov A.N., Kostareva T.A.* Criminal liability and corpus delicti. M., 1966. Pp. 26, 27 (in Russ.).
24. Imperial Moscow University. 1755–1917: Encyclopedic Dictionary. M., 2010. P. 666 (in Russ.).
25. *Isaev M.M.* Criminal Law. A Special part. M., 1929. P. 279 (in Russ.).
26. History of the Great Patriotic War of the Soviet Union. 1941–1945: in 6 vols. M., 1960. Vol. 1. P. 360 (in Russ.).
27. *Kovalev M.I.* Complicity in crime // Scientific works of the Sverdlovsk Legal institute. Sverdlovsk, 1962. Iss. 2 (in Russ.).
28. *Kozlov A.P.* Complicity: traditions and reality. SPb., 2001. P. 68 (in Russ.).
29. *Kolokolov G.E.* About complicity in a crime (about complicity in general and incitement in particular). M., 1881. Pp. 50, 51 (in Russ.).
30. *Kolokolov G.E.* To the doctrine of assassination. M., 1884 (in Russ.).
31. *Korkunov N.M.* The construction of International Criminal Law // Journal of Civil and Corner Law. 1889, Jan. (in Russ.).
32. *Korobeev A.I., Lung Chanhai.* Philosophical foundations of the doctrine of the four-element composition of crime // Modern law. 2010. No. 2 (in Russ.).
33. *Krylova N.E.* Controversial issues of the doctrine of the composition of the crime // Herald of the Moscow University. Ser. 11. Law. 2012. No. 4. Pp. 31, 33, 36 (in Russ.).
34. *Kudryavtsev V.N.* Theoretical foundations of the qualification of crimes. M., 1963. Pp. 75, 76 (in Russ.).
35. *Kuznetsova N.F.* Aron Naumovich Trainin // Trainin A.N. Selected works. SPb., 2004. Pp. 9, 10, 12 (in Russ.).
36. *Kuznetsova N.F., Velzel L.* Criminal Law of Germany. M., 1984 (in Russ.).
37. The course of Soviet Criminal Law: in 5 vols. Vol. 1: Part General / res. eds N.A. Belyaev, M.D. Shargorodsky. L., 1968. P. 262 (in Russ.).
38. The course of Criminal Law: in 5 vols. Vol. 1: The doctrine of crime / ed. by N.F. Kuznetsova, I.M. Tyazhkova. M., 1999. Pp. 168–177 (in Russ.).
39. The course of Criminal Law: in 5 vols. Vol. 5: A Special part / ed. by G.N. Borzenkov, V.S. Komissarov. M., 2001. P. 340 (in Russ.).
40. *Laptev A.V.* The composition of the crime and the qualification of criminal cases. M., 1939 (in Russ.).
41. *Laptev A.* Complicity in Soviet Criminal Law // Sov. Justice. 1938. No. 23–24. P. 13 (in Russ.).
42. *Lublinsky P.I.* International congresses on Criminal Law for ten years (1905–1915). M., 2014. Pp. 94, 226 (in Russ.).
43. *Martsev A.I.* Corpus delicti: structure and types // Criminal Law. 2005. No. 2. P. 47 (in Russ.).
44. International Criminal Law: textbook for universities / res. ed. V.N. Kudryavtsev. 2nd ed., rev. and expanded. M., 1999. P. 69 (in Russ.).
45. *Nemirovsky E. Ya.* Textbook of Criminal Law. The General part. Odessa, 1919. P. 68 (in Russ.).
46. *Nersesyan V.A.* Responsibility for reckless crimes: dis. ... Doctor of Law. M., 2006. P. 214 (in Russ.).

47. The Nuremberg Process: collection of materials: in 8 vols. M., 1987. Vol. 1. Pp. 459, 460; 1988. Vol. 2. P. 600; 1989. Vol. 3. Pp. 115, 265; 1990. Vol. 4. P. 76; 1991. Vol. 5. P. 840; 1997. Vol. 7. Pp. 270, 271, 278, 284, 290, 300, 301; 1999. Vol. 8. Pp. 49, 217 (in Russ.).
48. *Orlov A.N.* On attempted crime according to the principles of science and modern legislation. M., 1868 (in Russ.).
49. *Panov V.P.* International Criminal Law. M., 1997 (in Russ.).
50. *Piontkovsky A.A.* Soviet Criminal Law. A Special part. M., 1928. P. 279 (in Russ.).
51. *Piontkovsky A.A., Menshagin V.D., Chkhikvadze V.M.* The course of Soviet Criminal Law: in 3 vols. Vol. 2. Special part. M., 1959. P. 455 (in Russ.).
52. *Piradov A.S.* The book on the protection of peace and the fight against aggression // Soviet State and Law. 1957. No. 2. P. 129 (in Russ.).
53. The complete course of Criminal Law: in 10 vols. Vol. III: Criminal liability. Crime / ed. by A.I. Korobeev. SPb., 2021. P. 525; Vol. IX: Crimes against peace and security of mankind. International Criminal Law. Nuremberg and Tokyo Tribunals / ed. by A.I. Korobeev. P. 232 (in Russ.).
54. *Poltorak A.I.* Nuremberg epilogue. M., 1965 (in Russ.).
55. *Polyansky N.N.* International Military Tribunal / ed. by N.M. Rychkov. M., 1946. P. 16 (in Russ.).
56. *Pudovochkin Yu.E.* The concept of complicity: the experience of theoretical development and normative consolidation // Journal of Russ. law. 2018. No. 8 (in Russ.).
57. *Pustoroslev P.P.* Russian Criminal Law. Yuryev, 1912. P. 431 (in Russ.).
58. *Sabashnikov M.V.* Notes. Letters. M., 2011 (in Russ.).
59. *Savenkov A.N.* Nuremberg: Verdict for name of Peace. M., 2021. Pp. 358–374, 555, 556 (in Russ.).
60. *Savenkov A.N.* The Nuremberg trial and the development of International Criminal Justice. M., 2022 (in Russ.).
61. Collection of documents on international politics and International Law. M., 1934 (in Russ.).
62. *Sitnikova A.I.* Preparation for a crime and an attempt at a crime. M., 2006 (in Russ.).
63. *Spasovich V.D.* Textbook of Criminal Law: in 2 vols. St. Petersburg, 1863. Vol. 1. P. 89 (in Russ.).
64. *Speransky M.V.* The emergence of Shanyavsky Moscow City People's University. Historical information. M., 1913 (in Russ.).
65. *Spiridonov A.P., Baburin V.V.* Types of crimes in International Criminal Law // Scientific Herald of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 2 (45). P. 3 (in Russ.).
66. *Tagantsev N.S.* The course of Russian Criminal Law. The General part. St. Petersburg, 1880. Book 1. P. 5; book 2. P. 382 (in Russ.).
67. *Telnov P.F.* Responsibility for complicity in a crime. M., 1974 (in Russ.).
68. *Trainin A.N.* Inhuman humanism // War and the working class. 1944. No. 9. Pp. 16–18 (in Russ.).
69. *Trainin A.N.* Memoirs of the Moscow University // Herald of the Moscow University. Ser. 11. Law. 1991. No. 2. Pp. 43–45, 58, 59 (in Russ.).
70. *Trainin A.* The movement of crime in the Moscow province for the period 1884–1897. *Gurevich S.* The movement of crime against property in the Nizhny Novgorod province in 1891–1904 in connection with the economic situation of the province. M., 1908 (Seminary on criminal law of private Associate Professor M.N. Gernet; 1908. Issue 1). Pp. 3, 13 (in Russ.).
71. *Trainin A.N.* Children's court // Province. Vitebsk, 1912. No. 14 (in Russ.).
72. *Trainin A.N.* Official and economic crimes. M., 1938 (Criminal Law. A Special part / All-in-law sciences) (in Russ.).
73. *Trainin A.N.* The road of villainy // October. 1943. No. 6–7. Pp. 170–175 (in Russ.).
74. *Trainin A.N.* Protection of peace and the fight against crimes against humanity. M., 1956 (in Russ.).
75. *Trainin A.N.* Protection of peace and Criminal Law / ed. and with a preface by A. Ya. Vyshinsky. M., 1937. Pp. 90, 94, 136 (in Russ.).
76. *Trainin A.N.* Selected works. Protection of peace and criminal law / under the general editorship of R.A. Rudenko. M., 1969. Pp. 5, 11, 148–190 (in Russ.).
77. *Trainin A.N.* Selected works. SPb., 2004. Pp. 416, 420, 552–564, 607, 701, 739, 745, 888 (in Russ.).
78. *Trainin A.N.* The general doctrine of the composition of the crime // Trainin A.N. Selected works. SPb., 2004. Pp. 51, 185 (in Russ.).
79. *Trainin A.N.* On the question of class justice // Revolutionary legality. M., 1926. No. 7–8. Pp. 1–3 (in Russ.).
80. *Trainin A.N.* On the characteristics of female crime // Herald of Law and Notary. 1910. 14 Apr. (in Russ.).
81. *Trainin A.* The crisis of the science of Criminal Law. The struggle of schools around the German angle project. The Code of 1925. M., 1926 (in Russ.).
82. *Trainin A.N.* Insolvency and bankruptcy // Trainin A.N. Selected works. SPb., 2004. Pp. 386, 410, 411 (in Russ.).
83. *Trainin A.* The latest trends in the classical school of Criminal Law // Law. Weekly legal newspaper. St. Petersburg, 1910. July 18th (in Russ.).
84. *Trainin A.N.* The Nuremberg Trial: collection of art. M., 1946 (in Russ.).
85. *Trainin A.N.* On the criminal responsibility of Hitler's criminals // War and the working class. 1944. No. 1. Pp. 19–21 (in Russ.).
86. *Trainin A.N.* The general doctrine of the composition of the crime. M., 1957 (part 4 “The composition of the crime and the participation”) (in Russ.).
87. *Trainin A.N.* The general doctrine of the composition of the crime // Trainin A.N. Selected works. SPb., 2004. Pp. 51, 185 (in Russ.).
88. *Trainin A.N.* Jurisdiction of the court of wartime according to the law of July 30, 1914 // Herald of Law and Legislation. Year 7. No. 40 (October 5, 1914) (in Russ.).
89. *Trainin A.* The positive direction in Criminal Law // Law. Weekly legal newspaper. St. Petersburg, 1910. March 28 (in Russ.).

90. *Trainin A.N.* The concept and system of crimes against the management order. Self-management // Law and life. 1925. Books 4–5. Pp. 64–74 (in Russ.).
91. *Trainin A.N.* Crime of the city and the village. M., 1909 (in Russ.).
92. *Trainin A.N.* Crime of capitals and cities // Law. Weekly legal newspaper. St. Petersburg, 1908. 30 March (in Russ.).
93. *Trainin A.N.* The system of disciplinary process of sworn attorneys and their assistants. M., 1918 (in Russ.).
94. *Trainin A.N.* The composition of a crime under Soviet Criminal Law M., 1951. Pp. 171, 172 (in Russ.).
95. *Trainin A.N.* The Union regulation on state crimes // Herald of Owls justice. Kharkov, 1927. No. 9–10 (in Russ.).
96. *Trainin A.* The dispute of classical and sociological schools about the goals of punishment // New ideas in law / ed. by L.I. Petrazhitzky. Collection 1. The goals of punishment / comp. P.I. Lyublinsky. St. Petersburg., 1914 (in Russ.).
97. *Trainin A.N.* Strategy of “mercy” // War and the working class. 1944. No. 19. Pp. 14–17 (in Russ.).
98. *Trainin A.N.* The strategy of terror (The destruction of International Law and order by the Nazis) // Izvestia. 1945. 17 Jan. (in Russ.).
99. *Trainin A.N.* Koronny court and jury trial // National Encyclopedia of scientific and applied knowledge. Kharkov, 1911. Vol. XI, half vol. I (in Russ.).
100. *Trainin A.* Trusts and cartels and Criminal Law // Law. Weekly legal newspaper. St. Petersburg, 1908. September 14 (in Russ.).
101. *Trainin A.N.* Criminal intervention. The movement to unify the criminal legislation of capitalist countries. M., 1935 (in Russ.).
102. *Trainin A.N.* Criminal responsibility of the Nazis. M., 1944. Pp. 30, 31, 40, 52, 73, 75–77, 81, 102 (in Russ.).
103. *Trainin A.N.* Criminal Law. General part. M., 1929 (in Russ.).
104. *Trainin A.N.* Criminal Law of the RSFSR. The Part Is Special. Crimes against the state and social order / under the general editorship of D.A. Magerovsky. L., 1925. P. 63; 2nd ed., supplement and rev. in accordance with the Criminal Code of 1926 and the Union “Regulation” of 1927, M., 1927. Pp. 104, 105 (in Russ.).
105. *Trainin A.N.* The doctrine of the composition of the crime. M., 1946. Pp. 5, 43–46, 83 (in Russ.).
106. *Trainin A.N.* The doctrine of complicity. M., 1941. Pp. 70, 73, 77, 78. 111, 114 (in Russ.).
107. *Trainin A.N.* Economic crimes. The text and commentary to Articles 126–141 of the Criminal Code. M., 1925 (in Russ.).
108. *Trainin A.* The hour has come // Krasnaya Zvezda. 1945. May 17 (in Russ.).
109. Criminal Law: in 3 vols. Vol. 1: The General part / under the general editorship of A.E. Zhalinsky. M., 2011. P. 349 (in Russ.).
110. Criminal Law. The History of Legal Science / res. ed. V.N. Kudryavtsev. M., 1978. P. 17 (in Russ.).
111. Criminal Law. The General part / ed. by A.I. Chuchaev. M., 2015. Pp. 191–195 (in Russ.).
112. Criminal Law of Russia. The General part / ed. by N.M. Kropachev, B.V. Volzhenkin, V.V. Orekhov. SPb., 2006. P. 380 (in Russ.).
113. Criminal Law of Russia. The General part / ed. by A.I. Rarog. M., 2008. Pp. 218–220 (in Russ.).
114. Criminal Law of the Russian Federation. The General part: textbook for universities / ed. by V.S. Komissarov, N.E. Krylova, I.M. Tyazhkova. M., 2012. Pp. 79, 426 (in Russ.).
115. Criminal Law. The General Part. M., 1938. P. 314 (in Russ.).
116. *Filippov P.A.* Scientific contribution of members of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law of Moscow State University to the development of responsibility for crimes against the order of management // Herald of the Moscow University. Ser. 11. Law. 2016. No. 6. Pp. 68, 69 (in Russ.).
117. *Fletcher J., Naumov A.V.* Basic concepts of modern Criminal Law. M., 1998. P. 471 (in Russ.).
118. *Shargorodsky M.D.* Some questions of the general doctrine of complicity // Pravovedenie. 1960. No. 1 (in Russ.).
119. *Shargorodsky M.D., Krasilnikov M.V.* Review of the work of A.N. Trainin “Official and economic crimes”. All-Union Institute of Legal Sciences. Moscow, 1938 // Problems of socialist law. Sat. 6. M., 1938. P. 107 (in Russ.).
120. *Shvekov G.V.* Continuity in law. M., 1983 (in Russ.).
121. *Schneider M.A.* Complicity in a crime under Soviet Criminal Law. M., 1958; 2nd ed. 1963 (in Russ.).
122. *Shtiglits A.N.* Research on the extradition of criminals. St. Petersburg, 1882 (in Russ.).
123. *Egert V.P. von* Extraordinary Commission of Inquiry on criminal actions of the enemy in the war of 1914 – ... Petrograd, 1914. Pp. 5, 11–14 (in Russ.).
124. Encyclopedia of Criminal Law. SPb., 2007. Vol. 6. P. 19 (in Russ.).

Сведения об авторе

САБЕНКОВ Александр Николаевич –
 член-корреспондент РАН,
 доктор юридических наук, профессор,
 заслуженный юрист РФ,
 директор Института государства и права
 Российской академии наук,
 главный редактор журнала
 «Государство и право» РАН;
 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

SAVENKOV Alexander N. –
 Corresponding Member
 of the Russian Academy of Sciences,
 Doctor of Law, Professor,
 Honored Lawyer of the Russian Federation,
 Director of the Institute of State and Law
 of the Russian Academy of Sciences,
 Editor-in-Chief of the Journal “State and Law”
 of the Russian Academy of Sciences;
 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia